сетевые миниатюры

СОДЕРЖАНИЕ

Новогоднее чудо
Надежда
Нерв
Птица
Проза о ней
Тропы сознания
Осеннее солнце
Гимн осени
Тишина
Ангедония
О человеке
Помоги мне забыть…
Женщина-призрак
Каратель

Цикл «Ревизия прошлого»
Слепой
День памяти
Изнанка боли
Ронии

Времена года
Авгрусть
Слюнтябрь
Моктябрь

Цикл «Влияния»
Туман
Башня
Седьмой путь
Переверни страницу
Я и социум

Новогоднее чудо

И опять зима, и денег нету ни хрена
И кругом одни враги, и кризис давит на мозги,
Как это меня все достало…
Гр. Враги \ «Новый год»

Никогда не любила новый год. В смысле праздник, из которого сделали фетиш и раздули непонятный ажиотаж. Подумаешь… секунда - и новый год наступил. Просто смена лет, естественный ход времени, а шуму! Чуда все ждут какого-то. Да, может, в следующем году оно и произойдет, где-нибудь в сентябре, когда думать забудешь об этом новогоднем ожидании… короче, люди взрослые, и все понимаем.

В детстве, когда мы жили вшестером в двухкомнатной квартире, и елку ставить было некуда, новый год не ассоциировался с визуальными переменами. Может быть, поэтому не ждала их и потом? Чуть позже, конечно, когда квартирный вопрос утрясся, елки стали появляться, причем, живые и ароматные. Ну и мандарины, и все такое, как обычно. Подарки стали традицией чуть позже. Тогда все было бы ничего, за исключением первого января, утром. Картина маслом: просыпаешься, все еще спят, а ты на цыпочках пробираешься на кухню, чтобы никого не разбудить, ибо в новой квартире слышно даже как соседи скребут вилкой в салате. А на кухне… ой! Гора немытой посуды, горы жратвы на столе, даже чашку чая поставить некуда и как-то везде неуютно от этого хлама. Попив чая, начинаешь мыть посуду – это целая эпопея, на которую надо долго настраиваться. Когда я была не такой ленивой, настроиться было легко – решил и сделал, а щас… кошмар, куда мы катимся. Короче, помыв посуду, выбираешься с кухни, плетешься в себе и не знаешь, чем заняться. Благо, еще не особо взрослый и голова с похмелья не болит – можно и почитать или еще чего полезного сделать. Только не наблюдать за теми самыми бухими злыми взрослыми, которые, наконец, проснулись и, продрав глаза, увидели, какой на кухне порядок. Услышишь ты ошалевшее: «умница, дочка», ну и что? Вот и весь праздник. И где чудо?!

Еще чуть позже появилась традиция дарить подарки, а это сопровождалось жуткими геморроями, как известно. Да и я повзрослела и повреднела – с какой это стати я должна мыть посуду, пока все спят? Погуляли, значит, а мне разгребай!

Помню, как-то раз в жизни дед Мороз пришел – мне уже было лет 16, а деду этому – может быть 20. Был он тощим и высоким, а Снегурочка, его сопровождавшая, маленькой и пухленькой, особенно в шубке. Уморительная

парочка. Чего только в нашей школе не выдумают. Я училась дома, поэтому школьная администрация решила меня осчастливить. Интересно, где они раньше были? В общем, морозная парочка отписала мне мешок сладостей и пожелала отъедаться и поправляться. Ну и счастья там всякого…

Положение мое осложнялось тем, что я стала слушать нормальную музыку, поэтому «голубые огоньки» меня жутко раздражали. А еще больше раздражала папина манера щелкать каналы во время рекламных пауз, в попытке отыскать в новогодних отбросах что-нибудь интересненькое. Как бомжи в телевизионной помойке. Тоска зеленая. А если бы не эти огоньки, встречать новый год с родителями мне нравилось. Многие наши родные поумирали, друзья отошли на задний план, и никто к нам не заходил. Если такое случалось, моим это не очень нравилось – незваный гость, мол, хуже татарина. А раньше новый год был праздником кулинарии для мамы – готовила она столько, что на столе не помещалось, потому что приходили бабушки и дедушки, а иногда и папины друзья, часа в два ночи. А потом… как-то мы все обособились, общивилились и перестали просто заходить друг к другу в гости без предупреждения, да и отношения с людьми почему-то изменились, вопреки всем советским традициям. И осталось нас трое – я, мама и папа. И голубой огонек. А потом и неголубой, но это ничем не лучше, на мой взгляд. Или ненамного лучше. Наблюдать фонограммные выламывания наших, так сказать, рокеров под эгидой «наш ответ попсе»… лучше б они эту попсу проигнорировали. «Арию» в наушниках слушала, когда сидеть за праздничным столом надоедало. И пить я стала совсем по-взрослому – не до блевантинского, конечно, но голова с утра побаливала. Точнее с дня, ибо раньше полудня я не просыпалась.

Самое страшное началось, когда я стала учиться в институте, то есть бывать в городе довольно часто. Даже слишком часто для деревенщины. Меня всегда приводило в ужас городское движение, суета, громыхание машин, вонь и гарь, отсутствие ветра, стянутое в сетку высоковольтных линий небо, серое месиво вместо снега и абсолютно дебильные переходы, когда машины не уступают прохожим, но и прохожие не хотят уступать машинам. А как наступит декабрь… середина декабря… последний дни перед новым годом… атас! Все за подарками, берем все, что еще есть, как можно больше!!! Кажется, что движение становится раза в три быстрее и оживленнее, люди – во столько же раз агрессивнее и раздражительнее, а уж сколько народу в любом магазине – даже говорить не надо, сами были. Город живет. Будто целый год не жил. Как принято перед новым годом наводить порядок в домах и готовить на целый месяц, будто весь проходящий год не убирались и зарастали в грязи и уж конечно ничего не

ели. Круче всего, когда утром 31-го просыпаешься от того, что кто-то из соседей выбивает ковры. Или когда кто-то из приятелей звонит тебе за консультацией по поводу подарка другому приятелю, да еще изливает душу по поводу того, что вот уже купил да не то, а ты спросонья не соображаешь, чего от тебя хотят. Не могли, что ль заранее о близких подумать!

Ну, подарки все-таки хорошая традиция. Иногда че-то нужное дарят. И мне приятно близких порадовать. Я-то уже с ноября начинаю думать, чтоб потом в магазинах не толкаться. К концу года этот город раздражает больше чем обычно.

Но все-таки одно хорошее воспоминание, связанное с новым годом у меня есть. Мне было лет девять и как всегда полон дом гостей – единственный оставшийся дед и обе бабушки, семейка папиных друзей, которые почему-то нас так любили, что даже приглашали в ресторан когда-то… или это потом? Точно не помню. И вот, когда полночи прошло, веселить уже никого не надо, папа стал петь под гитару. Все так офигели, что молча слушали песен пять. Я, помнится, тоже была в легком шоке, ибо до сих пор не знала, что папа так классно поет. Что играет я, конечно, знала – гитара маячила в квартире всю мою сознательную жизнь. А вот зычный папин баритон я слышала нечасто. За эту новогоднюю ночь мы наслушались. Даже фотки остались: папаня в клетчатой рубашке, с пышной кудрявой шевелюрой и с гитарой наперевес в процессе исполнения очередной баллады, на фоне голой стены и полуразрушенного стола с остатками салата оливье, пустыми рюмками и попавшими в кадр горлышками бутылок из-под шампанского. Зато лицо у бати одухотворенное и отрешенное.

Несколько лет назад (по-моему, два или три) придумало наше правительство такую байду как каникулы для взрослых на 10 дней после нового года. До 10 января все толкутся дома, пялясь в телевизор с голубыми огоньками, а я сижу в своей берлоге, как в тюрьме, боясь лишний раз высунуться на кухню, чтобы не словить очередную дозу попсы из этого противного «ящика с трубадурами». Даже меня столь долгое заточение в своей комнате придалбывает. Гулять зимой особо не хочется, ибо зимы у нас как таковой не стало – снег куда-то делся, за окном будто поздняя осень со всеми ее дождями, слякотью и серостью. Так что причин любить новый год резко поубавилось – мало того, что встреча его в последнее время стала пыткой попсой и щелкунчиком, так еще и толкотня в одной хате с прозрачными стенами десять дней! Кстати, каникулы у студентов короче, чем у всех нормальных людей – до 8-го. Лучше бы наоборот.

В общем, считаю свой тезис, аморфно сформулированный в начале сего труда, доказанным, и за сим прощаюсь. Поздравительной эсэмэской моей подруги: «Happy New Year! Let’s rock this world or fuck it off!»

2007

Надежда

Ночь спустилась на город. От снега светло. Иду по широкой дороге, вдыхая чистый морозный воздух. Ни о чем не думаю, ничего не хочу – любуюсь красотой ночи и снежного царства. Сердце легкое, как перышко, мысли чисты, как этот снег. Странно! Днем сидел в своей берлоге, смотрел в окно и мечтал – хоть бы в гости кого занесло, хоть бы кто позвонил, хоть бы окно разбил! Все какое-то развлечение, тоска заела. Вот смотрел в окно и думал две мысли: первая – «тоска!» Вторая под грифом «секретно», хотя все знают. Приходит нечасто, зато навязчиво. Сгинь, говорю, да и дело с концом, а она в ответ – подожди, надежда есть. Да на что мне надежда, говорю, а она отвечает - без надежды жить тошно. И уходит – тихо так, улыбаясь хитренько, зараза!

И вот, все изменилось. Хоть и не позвонил никто, и окно не разбилось - просто надежда! От нечего делать решил прогуляться, послушать надоевшую тишину. Шел себе, пытаясь движением заглушить мысль №1. Не знаю, долго ли шел, не помню, где оказался. Район незнакомый, как идти назад - не представляю. Почему-то это обстоятельство меня не волновало. Мысль №1 исчезла, и это главное. В голове воцарилась приятная пустота.

Какое-то время спустя я наткнулся на единственного прохожего и попросил указать обратный путь. Дяденька стал объяснять дорогу. Как ни странно, я быстро понял – думал, совсем отупел за последнее время. Нет, надежда есть! Есть, родная! Может, скоро поумнею? Прогоню лень-сестру, буду петь песни каждому встречному и, хлопая его по плечу в благодарность за доброе слово, называть другом? Все может быть, пока надежда жива.

Выбрался с этой кудыкиной горы поздно, вышел на знакомую дорогу. Иду и слышу шаги - надежда идет! Сперва следом шла, да я возмутился: «Что ведешь, как под конвоем, любезная? Иди рядом!» И пошла, не артачилась. Чего еще желать? Не то, что этот или это – одиночество которое. «Одиночество, горда твоя поступь!» Не помню, кто сказал. Вот и хорошо,

гордецы одни гуляют. Со мной сейчас такая мадам, на фига мне этот с гордой поступью?

- Ты когда ко мне привыкнешь немного, - сказал я Надежде, - сестренок со мной познакомь. Можешь и маму прихватить.

- Маму попозже, - ответила она, - она нелюдимая, с кем попало не общается.

- Так я ж не «кто попало»! – обиделся я. – Сама увидишь. Я на верном пути.

- Значит, и ждать научишься – без этого никак.

- А ты со мной надолго?

- Можно еще погулять.

- Я тебя провожу.

- Чтоб еще раз заблудиться, - улыбнулась Надежда, - я сама, ничего со мной не случится. Я последней умираю.

Вот и шли мы рядом, как старые друзья, а Одиночество где-то гордо поодаль брело. Оно как мысль №2, навязчивое, не отмахнешься. Придет ненадолго, а жизнь отравит на сто лет вперед. Забыть бы, что оно есть, а то вон как на мою спутницу заглядывается!

Мы с Надеждой простились на перекрестке.

- Заходи почаще, - попросил я, - и сестер приводи.

- Хорошо, - пообещала она, - буду заглядывать.

…И ушла, махнув на прощанье.

Я слегка ускорил шаг, чтобы гордое поодаль не прицепилось, и догонять не кинулось. Бестактное явление – видит, что не хотят с ним здороваться, а летит на всех парах, как к старому знакомому, гордость забывает! Но этот раз я благополучно избежал встречи с ним и скрылся за дверью дома.

2005

Нерв

Стук дождя по карнизу за окном, ночь, мокрый асфальт, холод, фонари…

Дома – свет, тепло, покой, тишина, горячий чай, родные лица.

На душе – волна, разметавшая осколки чего-то стабильного и надежного, ожидание, ожидания.

За то, что посмели обнять этот мир, увидеть его в необычно прекрасном свете, узреть подлинную красоту, почувствовать тепло солнца – теперь пустота, усталость, страх, боль от несбывшихся надежд.

За то, что подарили кому-то тепло, согрели улыбкой, открыли душу и поймали поток света – холод, тьма, разлом, тишина.

Имя произнести, как молитву прочесть. И зачерпнуть пригоршнями музыку неба, приземлив так, чтоб все услышали, извлечь пользу из уроков неизбежности и ошибок. А награда – сознание того, что все сделал не так.

Сердце – то ли подвижное и упругое, как теннисный мячик, то ли узел живого тепла, добра, любви, то ли хрупкий стеклянный сосуд, наполненный мутной соленой жидкостью.

И ты – натянутый нерв, ожидание, ожидания, преддверье трагедий, воплей проснувшейся совести, всплеск ошибок, истерического смеха и похмельного сна.

Кто-то идет – тихо, едва шурша плащом и скрипя ботинками. Идет по краю дождя, тенью над землей, видением… будто не к тебе, не за тем, чтобы успокоить и сказать, что ты ошибся. Идет мимо, позволив тебе лишь взглянуть в его сторону и за ним увидеть… осень. Золото липкое листьев сырых, остатки тепла, новь, смерть.

И он исчез, ничего не открыв. А ты не пророк, чтоб надеяться. Ты не сделал ничего, чтобы заслужить знания. Ты сам нарушаешь гармонию.

Шепчешь в тишине – сны, воспоминания, имена, даты. И смотришь в окно, в город, в ночь. Надо не спать, надо еще полюбоваться этой ночью. Потом выспишься, если захочешь.

2005

Птица

Черная птица спорхнула с плеча, как сон, ушедший вслед за ночью. Сон без смысла и пророчества - лишь ожившие воспоминания и тупая боль в сердце. Птица взмыла в небо, и воздух задрожал от взмахов огромных крыльев. Она кричала голосами моей боли, несла тяжесть моей тьмы, в ее тени исчезало прошлое. Исчезнет ли оно навсегда? Не знаю, да важно ли это? Мой сон еще долго будет мучить, я еще долго буду чувствовать его болезненную неважность и удивляться бредовой бесполезности.

Птица не хотела оставлять меня, кружила над головой, кричала страшным голосом о моей судьбе. Ей некуда лететь, ее никто не ждет, а если и есть у нее друзья - уже улетели в теплые страны. Она, как и я, осталась одна. Что же произошло? Мне надоело думать, надоело беспокоиться, кого-то бояться, ощущать пустоту в сердце. Я почти не вижу солнца, хотя оно светит в лицо. Мне надоело мечтать, хотя еще и половины не сбылось.

Птица перестала кружить и приземлилась напротив. Какая она черная и огромная, как пугает ее образ! Но… глаза-то не птичьи, глаза полыхают огнем, а за ним – такая грусть, что сил нет смотреть. Не окольцована она и не потеряла перьев в схватках с другими птицами. Кто она? Ворон? Коршун? Похожа на летучую мышь исполинских размеров, только у летучих мышей мордочки хитренькие, а у этой, пожалуй, слишком умная. А взор прямой, пробирает до костей, будто смотришь в горящую бездну. Как ты держалась на моем плече? Ты же с меня ростом, дружище! И тяжесть была неощутима… Птица опустила глаза и вздрогнула. Ну вот, сейчас улетит. Так всегда, лишь почувствуешь боль - бегут, как от чумы. Не знали, что сказать, как себя вести. Понятно и не обидно.

Но птица не улетала. Она закрыла огромные грустные глаза и из-под опущенных век скатилась гигантская кристально чистая слеза. Птица тяжело вздохнула, увеличиваясь во время вдоха, а потом, выдохнув, обмякла вновь. Из глаз ее продолжали катиться большие капли хрусталя. Ну что же ты, дружище?! Мне тоже захотелось бежать прочь от ее боли и слез, но мысль о том, что спиной буду чувствовать печальный взгляд, остановила. Что делать? Подойти ближе, погладить бархатные перышки и утешить ее? Или наоборот гаркнуть: «Не реви! Перестань щас же!» Не знаю, бедное мое создание! Ты рождена, чтобы летать, купаться в лучах солнца, впитывать крыльями звон синего неба и дыхание ветров. Облака тебе дом, теплые страны и верные друзья ждут тебя. Зачем ты плачешь моими слезами?

Ни звука, ни стона, ни вздоха. Мне захотелось подойти, коснуться черного атласа крыла и сказать что-нибудь утешительное. Миллионы чувств рвали сердце, миллионы мыслей рисовались в картинку и вдруг… птица сама шагнула мне навстречу, взмахнула крылом, и наступила темнота. Тень ее крыла завесила небо. Она закрыла мои глаза крылом, будто оберегая от страшного зрелища. И я доверяюсь искусственной темноте, но вскоре за шторами век различаю движение теней, потом – просвет.

Все стало как прежде.

Открыв глаза, я не вижу птицы. Ни тени крыла, ни слезы, ни крика. Только огромное черное перо на земле – память о прошлом.

2005

Проза о ней

Она любит осень и крепкий чай. Смотрит в окно, никогда ничего не ожидая, и если кто-то появлялся в поле ее зрения – тут же отходит. Она живет ночами, потому что свет не раздражает глаз, звуков меньше, а воздух

чище и прохладнее. Одиночество - ее незримый спутник, куда бы она ни отправилась.

У нее есть все, что нужно для счастья: любящая семья, дом вдали от города и суеты – как мечтала, друзья, пусть и немного, презентабельная внешность, достаточно денег, устраивающая ее работа. Она получила образование и обладает некоторыми талантами, за которые ее уважают. Она умеет довольствоваться малым, не мечтать о несбыточном, знает предел своих возможностей и не планирует завтрашний день. У нее много увлечений и интересов, которые помогают делать внутреннюю жизнь такой же увлекательной, как у альпиниста или экспедитора. Она разбирается в людях и успела неплохо узнать себя.

Ее день начинается часа в два или в три. Просыпаясь, она варит кофе, неспешно втягивается в жизнь с каждым глотком, под любимую музыку. Ее работа не занимает больше трех часов, а потом можно читать, смотреть фильмы, писать стихи или играть на пианино. До шести утра. Тогда она ложится спать с чувством, что ничего не успела. Иногда ее день украшен, а порой испорчен встречами с друзьями. Общения хватает и в интернете: так просто, не видя человека, сказать все, что думаешь и уйти с его страницы, не заботясь о том, обиделся ли он, правильно ли поступаешь и действительно ли пора уходить. Там нет слушателей и болтунов, там умеют общаться репликами, появляется ощущение диалога.

Она редко выходит из дома и мало общается с людьми. Ей не нужна вторая половинка для счастья – она чувствует себя целостной. Она старательно делает лицо каменным, чтобы все видели: к такому человеку просто так не подступиться. Однако с дорогими людьми она умела быть приветливой, тактичной и чуткой. Улыбаться с каждым днем все тяжелее, но стоило вспоминать, что умела когда-то, и улыбка вновь легко появлялась на лице.

Она любит думать – много и ни о чем, говорить с воображаемым собеседником, петь, когда никто не слышит, вспоминать прошлое при звуках любимей музыки.

Ее друзья и сокурсники стали солидными людьми, нашли денежную работу, кто-то обзавелся семьей, кто-то уехал заграницу. Они самостоятельны, обеспеченны, ездят на машинах, знают, что делать с жизнью и где что купить. Они изящно поправляют прически и не понимают, что значит «мое» и «не мое». Фраза «все устраивает» заменяла им счастье. Порой и она ловит в себе черты такой приземленности и удивляется: во многом она образец золотой середины. Но не этого она хотела.

Если любить – то до безумия, если смеяться – до слез, если плакать – до кровавых слез, сострадать – до потери себя, радоваться – до исступления,

горевать – до желания жить. Когда- то она умела, но теперь ей чужды крайности, хотя настроение меняется так быстро, что порой настораживает. Если счастье – в равномерном получении удовольствия, то почему она не чувствует себя счастливой? Потому что счастье – крайность, остальное лишь довольство. Жизнь прекрасна, когда заканчиваешь книгу, когда раскрывается парашют, когда доделываешь песню, когда проходит боль. И все, что делаешь – каждый рассказ, стих, песня, книга… да что там! Каждое слово и нота – лишь для нового вдоха, для осознания жизни и себя в ней, для возвращения к счастью – кратковременного и эфемерного. Как же тяжело бороться за жизнь! Она много раз говорила, что не любит ее и не умеет жить, но, задумавшись вдруг, поняла, что таких жизнелюбов поискать: ни один день не предан забвению, а за каждый вдох она ожесточенно борется. Потому что хочет жить, а не существовать. И в этой борьбе ее счастье.

2011

Тропы сознания

Половина восьмого утра. Будильник. Главное, встать – сразу, не залеживаться, не ждать, что через десять минут проснуться будет легче. Одергиваешь штору – зима. Белый снег, черный лес, серое небо, желтая палатка.

Зарядка – пять минут на велотренажере, и ты в норме. Контрастный душ – это окончательно убьет сон и придаст волосам объем.

Так, что на завтрак? Яичница, которую с трудом впихиваешь в заспанный желудок, чашка чая, который кажется почти твердым. До полудня хватит.

Через десять минут выходить. Черные теплые джинсы, вязанный свитер, грубые ботинки, длинная куртка неопределенного серо-зеленого цвета. Впрочем, она двусторонняя, но светло-бежевой стороной ты ее не выворачиваешь. Рюкзак с рок-символикой, вязанная шапка. Плеер. Ключи, студак. Все.

Остановка. Народу больше, чем людей. Переполненный автобус. Приезжаешь раньше времени, за три остановки продираясь к выходу сквозь толпу, боясь раздавить в рюкзаке двд и очки.

Город. Уже проснувшийся, бодрый, тошнотворно веселый, липкий, вонючий. Институт. Кольцо сжимается. Если пчелы остались в улье – будет дождь. Всегда дождь. Или снег. Группа двенадцать человек, разные голоса, разный смех, но что-то их объединяет…

11

Одна пара, две. Тетрадка, блокнот для стихов и недоделанный перевод. Туда, сюда и еще раз туда. Всюду. Неровные буквы, страницы в клетку. Гул голосов, хлопанье дверей на переменах. Привет, что делаешь! Как дела? ладно, увидимся. Большая перемена. Сухарики или чипсы и снова некуда деться. Жаль, дом далеко. Когда свободная пара, едешь отдохнуть, выпить чая, послушать музыку. Серое месиво вместо снега, людные улицы, промозглый дым, шум транспорта, замершие руки в крошках, запутанные волосы, съезжающая шапка, спадающий с плеча рюкзак. В широкие рукава куртки ледяной ветер. Воротника у куртки нет, капюшон не отстегивается. Шарф не наденешь - запутаешься в проводах, а без плеера не можешь. Лучше умирать от холода, чем от шума. Выключаешь город «Металликой».

Еще пара. И еще – последняя, лекция. Болят глаза, и не веришь, что когда-нибудь день кончится, и ты окажешься дома. За окнами лектория ткутся сумерки.

Четыре часа. Выходишь в светло-синее марево, опять выключаешь шумы «Черным альбомом». Опять ветер, город, грязный снег, затрудняющий шаги в тяжелых ботинках. Остановка. Час пик, много народу. Одна песня, две. Поправляешь рюкзак на плече. Третья песня. Тяжело смотреть – глаза устали, номеров на маршрутках не видно. Все темнее. Вот день и прошел, а его так и не встретила. Что ж, может завтра…

Автобус. Переполненный, вонючий, но наконец-то домой! Как угодно – стоя, лежа, только скорее.

Панельный дом, дорога вдоль. Подъезд. Дверь, ключ. Тишина. Темнота – только с улицы льется синий отсвет зимних сумерек. А теперь – удобная одежда, горячий суп, обволакивающий звук любимых колонок.

Лампа, стол, компьютер. Семь часов. Перевод, пересказ, семинар, планы, страницы, буквы. Опять болят глаза и спина.

Одиннадцать. Можно посидеть еще, но усталость сильнее, да и холодную воду вот-вот отключат. Душ. Пыль, дым, гарь, пот, усталость уходят с водой или растворяются в аромате шампуня. Когда волосы высохнут, и лицо посвежеет, ты посмотришь на себя в зеркало и решишь, что не так уж дурна. Но завтра все будет иначе. Опять черные джинсы и телогрейка, вьющаяся рогами челка и очки на пол-лица. Этим нельзя любоваться. Такую сложно полюбить, ведь знаешь.

Спишь крепко, заслужив свой отдых. Ты редко видишь сны…

Проснувшись, видишь совершенно другую комнату. Лучи нового дня сквозь складки штор – в разные стороны, по выложенному квадратами потолку. Будильник не звонил. Торопиться больше некуда. Это был один из немногих снов – о прошлом.

2011

Осеннее солнце

Мне всегда нравилось, когда в августе внезапно напоминала о себе осень. Даже когда это напоминало еще о чем-то неприятном – об окончании каникул и скором начале учебного года, необходимости возвращения в институт, встречи с однокурсниками и т.п. Вот-вот закончится летняя оторванность от общества, плаванье в реке и столь долгожданный кратковременный отдых. Сама атмосфера этих дней мне почему-то импонирует: резко холодает, тучнеет небо, несколько дней льют дожди, а вокруг все еще зеленое, ни одного золотого листочка! На фоне свинцового горизонта верхушки деревьев кажутся изумрудными. Без солнца все обретает новые краски, свои родные цвета, ничто не засвечивает и не отвлекает внимания. Дома вдруг становится необыкновенно уютно, особенно в любимом кресле, при мягком электрическом свете, с хорошей книгой и кружкой горячего чая. Изредка бросаешь взгляд за окно, прислушиваешься к унылому пению дождя и радуешься, что ты здесь, а он – там.

Теперь лето не так радует, потому что осень стала свободной. Почти. Осень я люблю. Всякую. Золотая, в солнечные дни полна романтических ожиданий, а пасмурная, голая, серая – светлой печали. Особенно в городе. Для печали нужна массовка, в одиночестве ее редко чувствуешь. А стоит пройтись по погребенному в листьях парку, радуясь солнышку и относительно теплому дню или сесть в маршрутку и смотреть на тонущий в дожде город из окна – сразу ощущаешь себя одиноким, потерянным, никому не нужным, неуместным в этих декорациях, лишним в целом мире. Не понимаю, зачем это порой бывает так нужно…

А по утрам особенно здорово: просыпаешься вдруг, угадываешь за шторами не то что серый и даже не просто мрачный, а совершенно жуткий, давящий на все вокруг день, - тихонько переворачиваешься на другой бок (кажется, если перевернешься резко, будет уже не так уютно, тепло и замечательно, и само ощущение дремоты улетучится), натягиваешь одеяло, закрываешь глаза и радуешься, что не надо вскакивать и куда-то бежать, соприкасаясь с таким холодным и нудным днем. Не надо ежиться от озноба, выползши из-под теплого одеяла, натягивать остывшие шмотки, умываться ледяной водой, варить себе кофе, бестолково топчась у плиты, разглаживать лицо, пытаясь придать ему адекватное выражение из любви к ближним, хлопать дверьми, идти по улице, горбясь и крючась словно это спасет от ветра и дождя. Не надо выдерживать битву за место в автолайне, отряхивать за его едущей дверью мокрый зонт, рискуя лишиться пальцев, втыкаться в

свободный (если повезет!) угол и размышлять, что бы послушать в плеере, хотя и шансон еще не добрался до заспанного мозга. И даже радоваться, что хоть двадцать минут проведешь в тепле и относительной сухости, глядя на тот же опостылевший город за стеклом.

Ничего не надо… как прекрасно!

Закрывай глаза и досматривай осенний сон. Хоть с романтическими ожиданиями, хоть со светлой печалью. Где небо молчит, и мрачное спокойствие… опять на дне души зашевелятся воспоминания и предвкушения. Осень – весна наоборот, и она что-то несет в себе, что-то готовит тебе, что-то прячет за портьерами листопада, за драпировкой шуршащих ковров. Опять мазохистское, щемящее желание грусти и потерянности и зачем?...

2011

Гимн осени

So this is my new freedom
It's funny I don't remember being chained
Savage Garden

Все теряет смысл в секунды. В разные углы сознания улетают сны, мысли путаются, не обретя словесной оболочки. Цитаты из книг, чужие постулаты и прописные истины заменяют собственное мнение и жизненное кредо. А вокруг опять город. Под ногами опять дорога, и с грохотом проносятся по ней железные коробки, сшибая с ног воздушной волной. Я всегда неправ, хотя все мои мысли изначально благи. Убивая, я умирал сам. Нет сил отхаркнуть комок боли с души. Нет слов, нечем плакать и страшно вспоминать. Нет сил.

Я лечу по лабиринтам жизни, цепляясь за знакомые ноты, за чужие слова. Моя машина времени столь совершенна, что никогда не дает сбоя. И вот уже совсем скоро можно будет пинать золотые листья, а значит самое красивое еще впереди. Скоро вновь почувствуем запах дождя и дыхание тумана. Оранжево-серый вихрь вновь подбросит волну грусти и сладкого одиночества, поэтичной потерянности и тем для новых стихов. И снова мягкий шарф, полупустой троллейбус с местом у окна, низкое небо и неоновые вывески за дождем. И горячий чай. И город… шум, толпа, маршрутки. Бурлящий муравейник, где каждый в своей суете, и не пересекутся здесь нити жизни. Даже на миг. Приветствия холодны, взгляды скользки и пусты, жесты равнодушны, слова бессмысленны. Все заперты в себе. Город одиноких башен.

Сказать бы – давай убежим отсюда, уйдем навсегда, умрем для того мира или хотя бы для города. Спрячемся в холодной квартире, под пледом, обнявшись, будем просто молчать и слушать «Пинк флойд». Будем внимать серо-оранжевой песне осени в стуке голых веток об оконное стекло. Останемся одни, без ненужных слов, но с общим теплом. Где-то вдали суета и так называемая жизнь – за окном, за поворотом, за деревьями. А мы - здесь, вдвоем.

Я часто говорю сам с собой и не замечаю. Наверное, мне на всю жизнь хватит собственного общества, а «ты» – просто блажь или обращение к себе самому. Прости, забыл, что убился, убивая. И никаких «ты» никогда не существовало…

2007

Тишина

Ноябрь, середина дня. Странно и порой приятно проехаться в тишине – плеер сломался. Через два сиденья за спиной шмыгает носом раздражающий пассажир. Шелестит чей-то пакет. За окном медленно проползает серый, сумрачный город. Еще с утра небо казалось слишком черным, будто вот-вот пойдет снег. Или дождь. Но никто не шел – лишь несильный, холодный ветер воет. Сухо и пыльно в конце ноября.

Тонкий запах духов напоминает о прошлой осени. Он застрял в фиолетовом шарфе и в волосах, и каждый раз, когда встряхиваешь ими, аромат оживает, взрывается с новой силой.

Я наделена воображением, но в моей жизни никогда не происходило и вряд ли произойдет что-то из придуманного. Вероятно, я такая скучная, что не располагаю Господа к шуткам. Или меня надо от чего-то уберечь, иначе всем будет плохо. Я возвожу стены, а не мосты, в мой мир не пробиться. И сломавшийся плеер не обернется судьбоносной встречей, которая начнется с услышанного мной звука или со зрительного контакта. Выезд в город за подарком себе и за новым плеером тоже ничем таким не обернется – все купила и поехала домой в тихом, слава Богу, автобусе. Я не персонаж, я автор.

И пока тишина, в моей голове сумбурно мелькают строчки. Герои не пишут книг – они живут реальной и насыщенной жизнью. Мы по разную сторону баррикад. Интересно, обрадовался бы ты, если бы узнал, что кто-то пишет о тебе? Пусть, не совсем о тебе, а о том, кого видит и хочет видеть автор. Красота в глазах смотрящего.

- Расскажи мне что-нибудь своим красивым голосом, - помнится, просил по телефону.

Если бы ты позвонил сейчас, я бы нашла, что сказать. Все мы задним умом сильны. Я бы сказала, что хотела бы получить от тебя длинное и содержательное письмо, но впрочем, довольно и открытки – чтобы увидеть твой почерк. Я бы хотела услышать твой смех. Мне интересно, как зовут твою маму и на кого из родителей ты похож. Каким ты был в детстве, в ранней юности, в институте. Какую песню готов слушать несколько раз подряд. Было бы здорово, если бы сыграл мне на гитаре. Любопытно знать, какие девушки тебе категорически не нравятся. Чего ты все-таки хочешь от жизни.

- Солнце, я взрослый мужик, - сказал бы ты в трубку. Понимаю, хотя порой сомневаюсь, что это так. Конечно, для тебя это пустяки, наивная романтика давно минувших лет и возможно, ты убедил себя в том, что тебя никогда не трогали подобные вопросы.

Шипят автобусные двери. Шуршит целлофановый пакет. Поминутно шмыгает носом товарищ за спиной.

Ты взрослый мужчина и не заплачешь от таких слов. Или так. Ты прочтешь мои письма, когда меня не будет рядом. Ты уверен, что я ушла из твоей жизни навсегда, и мы больше не встретимся. И вдруг, дочитывая последнее, ты услышишь стук каблуков на лестнице. Ты не знал меня, когда я носила только гриндерсы и кроссовки и одни джинсы годами. Возможно, я была лучше и чище тогда. А теперь красивее. Я не пытаюсь никого обмануть. Я действительно ощущаю себя так, как внешне выражено.

Ты услышишь стук каблуков, а через секунду появлюсь и я. Такая, какой ты меня знаешь, и быть может, иногда вспоминаешь. И что бы мы сказали друг другу после этой немой сцены? Прекрасная концовка: ты – растерянный, по пояс голый, в комнате, заваленной распечатками писем к тебе и о тебе, а я – на пороге, во всем черном и облегающем, с растрепанными волосами и недоуменным взглядом. Конец фильма или книги. Но минута молчания по погибшей любви пройдет, и надо будет что-то сказать…

Что же? Не хватает воображения.

2014

Ангедония

Она больше не любила осень. Кажется, она ничего уже не любит кроме него. А его любить нельзя. Он сам так решил, да и вообще… Она больше не любит крепкий чай – стала человеком кофейным, а кофе

тоже лучше не любить. Он обезвоживает организм, сушит связки, от него хочется пить.

Она стала жить как нормальный человек: спать по ночам, работать днем, раз в неделю навещать родителей, встречаться с друзьями. Научилась готовить и запоминать цены в магазинах, ей стало лень заниматься спортом, а стресс заедался пончиками. И запивался коньяком или вермутом, хотя это было и раньше. Ей скучно лелеять свою внешность, но она умела собраться на раз-два и выглядеть прекрасно. Она замечала заинтересованные взгляды мужчин и перестала чувствовать себя неловко из-за этого.

Он появился в ее жизни давно и обычно, так что никто и не предал этому значения. Второе пришествие вызвала она. Если бы у них была песня, то конечно «Знаки» «Алисы». Только у Кинчева все более осмысленно и к чему-то, вероятно, приведет, хотя конец истории открытый. В жизни так невсегда. Или мы просто не видим картину целиком? Быть может, она нужна ему больше, чем он ей – он просто не догадывается. Успокаивать себя можно сколько угодно…

Ей больше не хотелось читать и слушать аудиокниги, хотя в дороге пропадает много времени. Она не помнит, когда в последний раз смотрела новое кино. Летом? И не слишком впечатлило. Ей стали понятны маленькие женские радости вроде горячей ванны с эфирным маслом. И как в старые подростково-депрессивные времена снова хотелось часами лежать на диване в темной комнате, отвернувшись к стене, и слушать музыку, не слыша. Отключаться от времени.

Эта осень не похожа ни на какую другую – верный признак будущей ностальгии. Еще лет через десять она решит, что это была лучшая осень в ее жизни. Собственно, ничего кроме этих безнадежных осеней, полных невнятными предвкушениями, в ее жизни не было. Пустые лета, удушливые весны, а зимы – пережить бы! Они шли хороводом, не задевая, а порой и вовсе не касаясь. И она потеряла способность помнить каждый день и радоваться каждому мгновению.

Она стала бы хорошей женой. Она бы сделала все, чтобы ему было приятно возвращаться в уютный теплый дом, где любят и ждут. Она хотела выслушать, обнять и погладить по голове. Только бы не было ему больно и одиноко. Но каждый выбирает сам. Она в очередной раз не ко двору. Это, разумеется, обидно. Своя боль, его боль, плюс чувство бессилия.

В лучшее почему-то верилось. Упорно, почти маниакально. Она искала плюсы в любой ситуации и умела смеяться над собой даже после болезненных падений. И за каждым поворотом – судьба. Вот сейчас, сейчас… может быть, этой осенью, этой весной (зимой нет, хотя летом тоже – оно расслабленное, вялое) – она встретит его. Не того, который предпочел

искать жену в хороводе и хороводиться всю жизнь, а другого – любимого и настоящего, своего. Которому не будет скучно при всей ее скучности. Он просто не поленится узнать ее и не пожалеет, что решился на это. Она верит, что из руин некогда богатого внутреннего мира вырастет что-то путное, а возможно, доселе невиданное. Заморозка временна, это просто шок. Болевой.

Только чувство противоречия, конфликт сердца с разумом портит жизнь и замедляет процесс выздоровления. Могло ли быть иначе? Никак. Зато хуже - могло. А она все бередит душу воспоминаниями, спрашивая у пустых комнат, помнит ли он о ней. Ему есть о ком помнить, у него все сложно, зато весело. Он наслаждается радраем в душе, как многие наслаждаются пьянством и развратом. Это затягивает. Она понимает. Но как же больно, Господи, как это больно...

2014

О человеке

Он проснулся от непонятного шума. Включив свет, сел на кровати и огляделся. Ничего не обнаружив, решил, что это просто усталость - крик в нем самом. Или он сходит с ума? Он постоянно ощущал чье-то присутствие, словно кто-то наблюдал за ним. И не скажешь никому об этом – сочтут параноиком.

Он думал, что знает многое. Но на какие знания может рассчитывать человек? Спасибо за иллюзию, искаженную в собственном мозгу, за крупицу извращенного разума! Огорчение и боль, когда и без того нестабильная самооценка падает в минус. Ночь так безжалостно осветила душу, что едва узнавал ее.

Он оделся и вышел на улицу. Ночь теплая и звездная. Черная, летняя ночь. Он шел, глядя на свою тень в свете фонарей. Обычный человек о двух руках и ногах, об одном сердце, невсегда открытом для окружающих. Мотор, ничего больше. Оно поддерживает в нем жизнь. Только в нем, ни в ком другом.

Еще у этого человека есть голова. Что там творится, какой мозг живет за черепом? А старость? Это о годах, о мозге или способности радоваться жизни? Насколько он уже стар?

Южный ветер освежает лицо, фонари светят вслед, с неба улыбается луна, подмигивают звезды… старые, а все как новые!

У него есть все, что нужно для счастья, все, чтобы жить и радоваться. Но к счастью привыкаешь и забываешь о нем, как о воздухе, которым дышишь. Привык, и счастье стало в тягость.

Завтра – новый день. Такой же, как вчера. Те же люди вокруг, знакомые до боли фразы, бесконечная суета… лучше бы им помолчать! Хотя, кто он такой, чтобы судить о лучшем? Просто человек. Завтра его проглотит город, раздавит толпа, обдаст пылью, прокоптит гарью. Завтра он снова будет одинок. Кто-то скажет о нем: «Хороший человек - никогда не опаздывает, ответственный и исполнительный». Человек-машина. Человек, полезный обществу. Он улыбнулся - еще не разучился за жизнь и за ночь!

Он ускорил шаг и почти побежал. Придя к реке, сел на берегу и стал смотреть на серебристую воду. Так наступило утро.

Пусть говорят, пусть ищут, пусть думают о нем! Что он знает? Что сделал в жизни? О чем может судить? Имеет ли право на счастье?

Конечно, он вернется, не успеют соскучиться, но…

Он вернется другим.

2004

Помоги мне забыть…

Легкие шаги. Тихо-тихо. Едва слышен шепот дождя за матовым от влажности окном. В свинцовом небе открылась старая рана. Ты еще дышишь. Вдохнул так жадно, будто силился почувствовать дивный аромат. От вдоха закружилась голова, потемнело в глазах и кольнуло сердце. Прости, что меня не было рядом, когда так в этом нуждался. Прости, что не сделала шаг навстречу. Не осталась ждать на лестнице. Ждать, когда ты все узнаешь.

Опять легкие шаги. Ты все еще в немом поклоне. Просто сердце болит от этого аромата. От жадности чувства. Ты склонился перед тенью. Перед тем, чего нет. Перед тем, что недостойно твоей боли. Сквозняку открыл душу. Легкие шаги… моя совесть. Милая, степенная, очень похожая на Мудрость. Наверное, сестры. Все жду, когда жизнь заставит ломать шапку перед кем-то. Куда приятнее перед Мудростью или Совестью. От них нахлобучки получать полезно.

Больше всего боюсь отравить кому-то жизнь, быть обузой, обременить. Но я это сделала. Ничего особенного и не потребовалось – я родилась. Это не от меня зависело. Однажды весенней, теплой ночью, когда цвела сирень, и пели соловьи, я пришла в этот мир и отравила несколько жизней. На роду написано этим промышлять. И ты попался на пути. Почему я всю жизнь делаю то, чего боюсь? Незаметно для себя, почти ювелирно… лишь потом осознаю?

Ты поймешь меня, друг мой. Ты пришел в этот мир не таким как другие, но мир не принял тебя. И ты не принял его. Какая там любовь! Кто знает, что это такое, кто умеет любить? кому как ни тебе понять, раньше я не была такой озлобленной и самой себе противной. Ты помнишь меня другой. Жаль, мы мало говорили, а так интересно, какой ты помнишь меня и какая я сейчас. Слова не нужны, когда сердце об одном болит.

Больно отпускать мечту. Полуразбитая, с оборванными крыльями, кричит жалким хрипом, жмется ко мне, а я, ослепшая от рыданий, открываю перед ней дверь. Она уходит не сразу – покалеченная, убогая, на гибель обреченная. Но уходит – выбора нет.

Тихо-тихо. Лишь скрипнула дверь, и крик сорвался с губ, лишь кольнуло сердце и от рыданий затрясло. Мешок с грехами взвалила на плечи и снова в путь. А руки в крови по локоть, и от слез не видно лица.

Поищи мне, ветер, хоть где пристанища, хоть какой угол подальше от людей, да от зеркал в их глазах! И чтоб о мечте не говорили. Спустись немного, пойдем со мной по земле грешной. Не так больно, как одному.

Тихо-тихо. На сердце. Я прощена и отпущена. Нет, забыта. Бледная тень, прошедшая насквозь по линии судьбы, слегка обогнув холм Венеры.

Память зла – на ходу спрыгнула, а поезд идет. Идет, идет, идет… тихо-тихо. Только стук колес, как сердце – мерный, успокаивающий: тук-тук-тук…

Легкие шаги. Она. Нет, оно – твое счастье. Прощай. Мои золотые сны и серебряные слезы. Моя несуществующая смерть и калека-жизнь. Неумелая молитва и молниеносная любовь. Все поблекло и растворилось в плаче дождя, будто кислотные капли разъели жизнь. И не у кого прощения просить.

Ветер не помощник – мешок тяжел. Одна тащи. Чего ж боишься? Одиночества, старости, будущего, смерти? Неизбежность. А я боюсь любви и жизни. Любить не умею, а жизнь только ломаю, но не создаю. Созижди мне, Господи, сердце чистое, из пустоты, как все. Из пустоты, которую сама сотворила. *Созижди вновь из пустоты грехов…*

2006

Женщина-призрак

Как я хочу, чтоб в твоей жизни не было женщины-призрака! Хочу быть единственной и случившейся, изначально и навсегда! Пусть никогда не потревожат твою душу несказанные слова, неслучившиеся поцелуи, несбывшиеся мечты. Пусть не разбудит среди ночи воспоминание о ней, пока я буду видеть сны. Не напомнит о ней сочетание нот или «та самая песня», весенний закат или пшеничные колосья, звук иностранной речи или майская ночь. Страшна женщина-призрак, потому что, не осознавая, принадлежишь ей. Потаенной мыслью, уголком сознания, кусочком сердца. А ей все равно. Она утонула в собственной жизни, и не придает значения воспоминаниям и мимолетным ощущениям. Оба понимаете, что все сложилось как нельзя лучше. Вы не созданы друг для друга, ваше чувство не было взаимным, зрелым и выстраданным. Жаль, ум не всегда помогает.

Не хочу, чтобы ты, не отдавая себе отчета, желал встречи с ней. Интересно, какая она теперь? Как сложилась ее жизнь? Вспомнит ли она тебя? И еще страшнее думать, как прошла бы эта встреча. Вы оба молчите и трогательно смотрите друг другу в глаза, улыбаясь так, словно еще храните вашу тайну. Не делитесь воспоминаниями, не забрасываете друг друга вопросами о событиях. Ни тебе, ни ей неинтересны «новостные ленты». Вас объединяет только прошлое. Как ни странно, спустя годы это может не разобщить, а напротив – острые углы сгладятся, время научит жить с болью, и в жизни найдется куда больше реальных проблем, чем юношеская любовь.

Вам уже нечего делить. Вы с легкой грустью вспомните совместное прошлое и… кто знает, мелькнет ли в ее сознании мысль «все могло быть иначе»? И кто виноват, что общее прошлое не стало общим настоящим?

О, как я боюсь этих призраков! Но, видимо, их не избежать. Нам нужно было встретиться лет в восемнадцать и сразу полюбить друг друга, соединить судьбы в одну с надлежащим пониманием, которое редко встретишь в этом возрасте. Жизнь не вернешь. Хорошо, если можешь остудить рассудком агонию грусти. Ты никогда не узнаешь о моем призраке, обещаю. Кажется, жизнь проходит перед его взором. И видит он не ту, что на самом деле, а другую, идеальную. Которой никогда не стану, но хочется, чтобы он сокрушался о потере. Он теперешний, который мне не интересен и даже раздражает. В сердце запечатлелся он-прошедший. Как все чудно и непонятно в наших душах!

Я мечтала о встрече с тобой, как о лекарстве от непостижимой болезни. Мне не надо будет представлять, что смотришь фильм обо мне идеальной, потому что знаешь и любишь реальную. Такие фильмы диктует тщеславие и сознание собственной неоцененности, которое глубоко уязвляет. Я забыла помечтать лишь о том, какой стану я рядом с тобой. Создай мне сказку, пусть у нас будет своя музыка, свои леса и закаты – в миллион раз живописнее и ярче! Пусть все будет таким другим, чтобы даже сравнения на ум не пришло, не то, что грусть…

А может, не так плоха женщина-призрак? Ты бы знал, как быть со мной. Только я не желаю о ней знать. Не хочу, чтоб меня сравнивали с идеальным (ибо непознанным) образом прошлого, и сравнение выходило бы не в мою пользу. Я реальна и рядом, со мной все ясно и никаких проблем. А той уже не будет. Фантазии простор потому, что и не было никогда. Жаль, я могу лишь писать сказки! У творческих людей нет того удивительного дара жизни, которым обладают люди иного склада. Поэтому нас трое. Или четверо, если такие призраки есть у тебя. Но молчи! Тяжести подобного рода слишком разрушительны. Любовь не облегчает кресты – наоборот, тащишь за двоих…

2012

Каратель

Не плачь – ты же знаешь, все несерьезно. Твои крылья беспомощно хлопают о ветер, не в силах унести прочь, и избавить от этого кошмара. Палящее солнце бьет по голове тяжелыми лучами, изматывая и порабощая, так что тебе лень махать крыльями. Ничто уже не спасет тебя.

Ветер южный, теплый, но освежающий, приносит откуда-то запах сирени и недавно скошенной травы. Ты весь пропах весной. Ветер кружит тебя в вихре облаков, смеется и играет твоими уставшими крыльями, изредка бросаясь пылью – он не со зла, просто знает, ты не заплачешь.

Земля дышит жаром, но тебе не нужно по ней идти. Казалось, воздух звенит теплом и духотой. Ты не вовремя – как всегда. Трансформация твоих чувств никогда не совпадает с природными пробуждениями.

Раздраженный и злой вернулся ты в родной дом, но такому тебе не рады – им позитива подавай, да такого, чтоб на мили вокруг сметал всякую негативщину, чтоб радовала твоя забавная рожица, чтоб ты своим певучим голоском говорил приятности. Да-а, родной порог встретил тебя заостренными гвоздями, а все твои – с клещами наперевес, готовясь разорвать твою душу и вспороть сердце в поисках ответа на главные вопросы. Стало так обидно, что убежал прочь на первой космической. Страх и боль. Ветер и пыль. Слезы в глазах.

Тебя упрекают в том, что тебе все мешают, и ты хочешь быть один. Это правда. Ты всегда думал только о себе, делал как надо тебе и окружающие делали то, что надо тебе, не догадываясь об этом. Ты умел работать с людьми, хотя сам этого не знал до поры. А когда узнал – ух! – твой талант обрел направленность и сокрушительную силу. Стоило только поверить – и можно вить веревки из кого угодно. Все к чему ты прикоснешься, станет золотым. Жаль, что не нужно тебе это…

Вот сидишь на краю, слушая ветер. Унес бы он тебя куда-нибудь или разбил в лепешку о землю-мать! А он все смеется и пытается сорвать со спины твои крылья, вытряхивая из них пыль и щепки. Может, стоит зайти еще к парочке друзей на парочку порогов? И как Гарун из «Беглеца» заколоться кинжалом! Пойдем…

Ты шагнул за край. Ветер подхватил тебя и, свистя, улюлюкая и что-то напевая, понес вдаль, в нужном тебе направлении. Путаясь в сетке проводов, в паутине и ветвях, ломая шлагбаумы, разбивая толпу, пересчитывая крыши, задыхаясь в пыли и запахе цветов, ты приземлился на лестничной площадке. Ветер остался на улице.

Ты подошел к двери, заколоченной крест накрест. Стучать нет смысла. Потоптавшись немного, ты собрался было уходить, но тут из смежной квартиры вышел сосед. Он сказал, что жильцы заколоченной переехали и не оставили ни нового адреса, ни телефона.

Ты вышел на улицу, где мялся Ветер, и вы полетели дальше. Запах сирени и городской смрад неслись тебе в лицо, обрывки бумаги и апельсиновая кожура, презрительные взгляды, голоса…

Место дислокации – дорожка, усыпанная гравием. Лай собак и брань соседей – голоса городских окраин. Ты плюнул на то, что у тебя потрепанный и пыльный вид – друзья ведь любому рады! Наивная душа…

Ответом на твой визит были слова: «извини, я устал, нет времени, может, в другой раз зайдешь?» И неважно, что ты единственный раз в жизни клянчил утешения и хотел вывернуть душу наизнанку. Кому нужна твоя душа? Заметил, что в эгоизме упрекают неспособные слушать? Снова обидно и горько. Ерунда, это ненадолго. Идем дальше.

Ветер гонялся за толстой ленивой тучкой. Когда он настигал и щекотал ее, она раскатисто смеялась. Ее громыхание слышно по ту сторону горизонта.

И снова в путь – дорогой прошлого и воспоминаний, дорогой самых светлых дней твоей жизни. Полетели! Сквозь лесную сень, сквозь облака и закатную кровь, над холмами и руинами древних храмов. Ветер вокруг, ветер в тебе, ветер – ты! Беззаботный, смеющийся, молодой, хлесткий ветер…

«Лестница, десять пролетов, каждый изучен до боли». Каждый поворот, каждая дверь… Вот она! Сердце в пятки, проломив ребра. Один взгляд назад и… в ледяную воду!

Ты позвонил. Открыли. Сказали, что рады. Лгут, конечно. Дом забит людьми. Они смеются, о чем-то говорят. Они делают вид, что не заметили вновь пришедшего – ничего особенного, им и без тебя интересно, но… ты чувствовал, знал, готов был поклясться, что они косятся на твои ломаные пыльные крылья. Ты кожей ощущал их удивленно-презрительные взгляды. Пытался сложить крылья и как-нибудь спрятать их за спиной, но от этого стало только хуже – уж слишком неловкими и осторожными сделались твои движения. Зачем ты здесь? Зачем вообще пришел? К кому? Он даже не заметил тебя, хотя и соврал, что рад. Ты смотришь на него, смотришь… я искал тебя всю жизнь – пишешь во взгляде. Но меня нет, и не было никогда – отвечает его взгляд, и холодная стена вырастает между вами. Отпусти меня – пишешь ты. Иди – отвечает его взгляд, - я не звал тебя, это ошибка. Нет, это не ошибка – не соглашаешься ты, - спасибо за все. Иди, я не забуду тебя…

Ты, как Вини Пух, решил, что сразу уходить невежливо и надо посидеть еще немного. Приснись мне еще – пишешь ты. Тебе одиноко? – твой взгляд перехвачен и прочитан Другим, но тебе это ненужно. Пора уходить. Всем пока. «Па-ака-а-а-а…» - ты видишь, как кривятся их рты. Натряс тут пыли и всякого мусора из своих дурацких крыльев! От тебя одни неприятности и никакого позитива!

Прощайте, подумал ты и написал это во взгляде. Тот, кому он был адресован, равнодушно прочел его и переключился на своих многочисленных гостей. Подожди! – пишет тебе Другой. И ты предашь меня, мы все здесь друг друга предали, не умея искренне любить…

Выйдя, ты сел на корточки у двери, приподнял половик и нашел под ним свое сердце. Когда-то ты забыл его здесь. Страшно представить, сколько ног по нему протопталось! И оно уцелело, хоть и стало грязным, мятым как жестянка, но реанимировать его, наверное, можно. Ты нежно взял его в руки – еле бьется. Ты отдал его Ветру на сохранение – потом, по прибытии решишь, что с ним делать. Ясно одно: впредь не разбрасывайся.

Не плачь, скажет тебе Ветер. Вся его веселость уже испарилась, и он заметался по голубому небосводу, раздраженно пиная толстые тучки, а они погромыхивали от обиды и боли. Вскоре одна из них не выдержала и разрыдалась. Да так безутешно! Эх, пойдем…

На сердце тяжесть, будто его сковали позолотой. Словно вся жизнь прошла напрасно. Все, что было светлого и хорошего в тебе, растерял или раздарил, но никому этот подарок не пригодился – его повесили на стену, чтобы иногда вспоминать о тебе. А ты остался ни с чем. Но ты же эгоист и ты не можешь остаться ни с чем! Ты сам загнал себя в холодную железную клетку, но в сердце ветер, так же нельзя…

Это же просто игра, и тебе в ней отчаянно не везет. Вот и сидишь на краю, закутавшись в ломаные пыльные крылья, стараясь не причинять себе боли. Не хочется уходить.

Вечер принес прохладу. Дабы не обагрить кровью гвозди родного порога, ты вернешься через окно. Если оно окажется закрытым – разобьешь больным крылом, ведь не жалко ни того, ни другого. У тебя же есть дом! С какой стати ты должен шляться здесь всю ночь?

Слегка коснувшись небес, взяв за руку Ветер, ты оторвался от земли. От края.

На всей этой холодной планете нет никого родного и близкого. Нет любви в твоем сердце. Раньше ведь было иначе…

РЕВИЗИЯ ПРОШЛОГО

Слепой

В общем, жизнь - ни что иное, как ожидание чего-то большего, чем наша здешняя суета, а смерть – это единственное, на что мы действительно надеемся.
Брэм Стокер, «Граф Дракула»

Он родился незрячим. Чем старше он становился, тем более обострялось внутреннее зрение, которое безжалостно раскрывало неприглядную наготу грядущего. Жизнь его ждет очень сложная, разумеется. Он уже не чувствовал «завтра» и «вчера» не отличал тьмы от света и не видел снов. Дальше будет хуже – он лишится опоры, и никто не протянет ему надежной руки, и он почувствует себя совсем одиноким в пучине дней.

Его мать – милая женщина, которая вдруг обвинила его в испорченности и эгоизме.

- А что ты хотела? – спросил он. – Сама всю жизнь делала из меня ничтожество. Я ж тебе говорил, что не умею любить.

- Без любви тебе будет тяжело.

Он горько хмыкнул в ответ – только ли без любви?! Уже замучился считать все тяжести – одной больше, одной меньше… не имеет значения.

Конечно, нехорошо так думать, но мысль – штука упрямая. Его мать, как и любая советская женщина, делала аборты, так почему же *именно его* угораздило появиться на свет? он ведь знал ответ: с его появлением родители начали что-то понимать, Бог открыл им глаза на жизнь, послав слепого поводыря. Но ему-то что делать? Порой чувствовал себя отбросом, пушечным мясом. Его миссия на земле закончена. А теперь его забирает к себе эта вшивая жизнь, чтобы сгноить в своей темноте и тяжестях.

Итак, жизнь. Вот он окончит институт, может быть, найдет работу, не дай Бог, заведет семью, и у него будут дети, которым он отравит существование, потому что не умеет любить. В глубине души, одиночество никогда не тяготило его. К людям обращала вынужденная зависимость от них.

- Тебе никто не нужен и это-то самое страшное! – говорила мать. Его сердце жалось в комок от всех страхов, которыми активно пичкали последнее время. Да, ему никто не нужен, и его родители зря переоценивают

свою роль в его жизни. Хотя, откуда им знать, какую неблагодарную свинью они растят! Любили они говорить:

- Вот сдохнем мы, а ты что будешь делать?

Жить, думал он в ответ. Выбора-то нет, хотя уже тошнит от этой жизни и от всей этой любви… Тошнит от схем и шаблонов. Куда бы он ни посмотрел своим внутренним взором – все сводится к одному: взрослеешь, стареешь, устаешь от жизни, потому что в ней только работа и дом, те же лица день за днем, а прекрасные мечты, некогда брошенные в дорожную пыль, подбирает и отряхивает стая молодых волчат, которые пока не знают…

Ему виделось черное ночное небо, утыканное звездами. И вот он, оторвавшись от земли, летит в это небо – прямо в пьянящую черную ночь; летит со скоростью ракеты, расталкивая звезды, разрывая слои атмосферы и попутные ветра. Летит так стремительно, что уже не может остановиться или оглянуться на прошлое. Программа пошла – если прервать установку, все пропало. За спиной остается один рубеж, другой, третий… один слой, другой, третий. Ветер разорван в клочья – некогда лучший друг. Экстаз полета, продвижения, скорости. Теперь только вперед, и не плакать о прошлом! по трупам старых друзей, к трону на костях, по кровавым рекам – вперед!

Он не знал но, наверное, ему бы понравилось убивать. Нравилось бы смотреть на страдания и кровь – живую, грязную. Кровь – это жизнь, это жаждущий дух, но в то же время – чужие грехи, грязь. Но разве жизнь – не грязь?

Наверное, ему нравится делать людям больно – он находил несправедливым, что они не могут почувствовать его боли и никогда не узнают, каково это - цепляться за стенки в темноте.

- Нельзя быть озлобленным, - говорила мама, - ведь раньше ты таким не был.

Да, но все меняется. Кто сделал из него ничтожество, не приспособленное к этой жизни? Те, кто умеют любить и губят своей любовью, не давая ложку до рта донести, а он толкает падающего, усиливая его страдания, помогая ему возвеличить свою душу и жрать эту тошнотворную жизнь! Я спасаю его, мама! Жаль, не вижу - упивался бы видом страданий и боли. Всем кажется, что тяжелее собственного креста нет ничего на свете. Пусть же они прозреют!

Он и не подозревал, сколько жестокости в его сердце. Кто-то еще успокаивал, что уж любить-то он умеет, людям с ним хорошо. Да, но

недолго и при условии, что они скоро закроют за собой дверь – тогда он готов их любить.

И вот полет, прогулка по планетам, рваные ветра корчатся за спиной, а он все мчится вперед и вверх. Он уже перешагнул рубеж ученика, перебежал через линию студенчества, перемахнул уровень кандидата и доктора, перескочил планку доцента и профессора, пролетел над всей этой научной гранью, не найдя ничего интересного и вдруг остановился – на полном ходу, с сильно бьющимся сердцем. Остановился потому, что дальше ничего нет. То ли пустота, то ли глухая стена, о которую он мог разбиться.

Обессиленный, он упал прямо на этом рубеже, перед стеной. Слезы душили. От сознания своей греховности хотелось перестать дышать. По сути, единственное, что держало его здесь – слабая вера в Бога и знание, что самоубийство – последний грех. Он не боялся спиться или сойти с ума, но единственное, чего он хотел – сдохнуть в одиночестве, чтоб некому было плакать о нем, чтоб не было на земле несчастных, которые любили бы незрячими сердцами, и чьи жизни он успел бы поломать.

В итоге мы все стремимся к смерти, потому как жизнь не оправдывает наших ожиданий. Кто-то еще пытался наградить ее иллюзией полезности и поставить штамп «так надо». Ничего не бывает зря, сказала бы его мать, имея в виду, что не зря родила такого засранца, как он. Их зрение направлено во внешнюю среду, а его – внутрь своей, в свое грязное сердце, в свою гнилую душу. Неужели они думают, что так легко и приятно – видеть свое сердце куском дерьма?

Мама, я не стерильный импотент, я умею ненавидеть, раз уж ты думаешь, что умею любить. И больше всех я ненавижу себя! И мне есть, за что себя ненавидеть, мама… Я толкаю падающего и то, как он поведет себя в этот момент, скажет о нем больше любых слов. Выберется из дерьма – молодец, и духом силен, и волей крепок, а нет… на «нет» и суда нет.

А люблю, как умею. Какой любви вам нужно, не знаю. Что вы требуете от такой гнилушки? Даже у Бога стыдно просить помощи…

Так он и остался лежать, задыхаясь, на финишной прямой, убитый всем и всеми, и убивший всех. Некому принять последний экзамен.

Он где-то читал, что все гении - несносные люди, а тех, кто с ними жил, необходимо сию минуту причислить к лику святых. Но видит Бог, он не хотел быть таким гением или таким святым! Он просто хотел жить, и тянулся к этой жизни, как невинный младенец к материнской груди, улыбаясь солнцу, счастливый по умолчанию. Но почему-то молоко оказалось горьким. Боже, как он был убит тогда! Будто сама жизнь сказала, что таким нет здесь места, будто предал его самый близкий и родной

человек. Но, оглядываясь назад на прошлое, он понимал, что такого человека у него никогда не было. А ведь так тяжело одному в темноте!

- Проси у Бога помощи, - говорила мать, - это твоя единственная надежда. Без воли Божьей мы никто и ничто.

- Не растерять бы веру в пути, – буркнул он.

- Хорошо бы с тобой такого не случилось…

Сотни людей теряют веру. Тысячи людей. Но она – единственное, что мешает умереть. А любовь – единственное, что помогает жить. Надежда же греет сердца в отсутствии этих двух. Жизнь тяжело нести не только таким как он, но и вьючным ослам. И вся грязь его сердца хлынула горькими слезами, словно его наконец-то вырвало этой отравленной жизнью. Слепой «гений» на линии финиша, задыхается от слез и боли в сердце, с гаснущими искорками веры в глазах и слабым светом надежды в истерзанной им самим душе. Слепая ярость, ненависть, агрессия, жажда справедливости для эгоиста. Такого себя он до сих пор не видел и не знал.

Самая жестокая война – внутри. Хотелось бросаться на стены, кричать не своим голосом или убить кого-нибудь, да чтоб крови побольше.

- Боже, помоги мне! только с Тобой я не одинок…

Чище стало на душе, легче дышится. Словно камни грязи с сердца отодрал – по живому, и кровью смыл. Похоже на просвет в больной голове, будто новая волна жизни подхватила и понесла – по старому кругу, к истокам страданий. Но на мгновение он поверил, что жив.

тем, кого люблю, посвящается…

День памяти

Тяжелые облака плывут по синему небу, слегка покачиваясь. Их рваные, подвсеченые солнцем края отбрасывают тени на морскую гладь. Волны подхватывают солнечные блики, подбрасывают вверх и разбивают о стены мириадами ослепительных брызг. Осенний ветер доносит до замка прохладу и соленый запах моря.

На зубьях высокой башни сидит призрак. Он взлетел на башню полюбоваться прекрасным видом, поиграть с ветром… и прыгнул в море. Сегодняшний день он хотел посвятить воспоминаниям, но, как и при жизни, долго настраивался, взвешивая за и против, и решил все в одночасье, когда взвешивать надоело. Мягко приземлившись, пошел по воде как Христос. Что-то напомнило ему о холоде моря, о свежести ветра, о том что, должно быть, идти по волнам щекотно, но он, разумеется, не чувствовал.

Путь по морю одолел быстро, по суше – чуть медленнее. Выйдя из леса – прохладного и такого безлюдного, что чувствуешь себя в безопасности, насколько невозможно в современном мире, - он побрел по дороге. Начинается путь в цивилизацию. Что-то созвучное с ней уловила душа, но созвучие было эфемерным, и он тотчас забыл о нем, борясь с желанием броситься обратно в лес, скрыться в замке.

Когда-то он мечтал стать невидимкой. Смешаться с толпой и пялиться на интересных людей – ни смеха за спиной, ни ругани в лицо. Теперь мечта сбылась. Более того – он может летать. Здорово быть бестелесно-свободным! Только боль не исчезает вместе с плотью. И грусть тоже. Тогда понимаешь, дело было вовсе не в свободе… так зацикленный толстяк думает, что стоит похудеть – все его проблемы сойдут на нет. Разобраться в голове, в душе и в сердце куда сложнее, чем согнать жир.

Вот и знакомые места – нагромождения пятиэтажек на еще не загаженном ландшафте. В относительной тишине его дом – тесная квартира окнами на дорогу, а окно его комнаты - на лес. Каждое утро он видел этот лес – то голый и костлявый, то ярко-зеленый, то утопающий в снегу, то золотисто-багряный. Каждый день он шел на остановку по этой дороге – то мокрой, то заснеженной, то пыльной. И каждый день мама смотрела на него в окно кухни и махала рукой. Серая бетонная лестница, голубые шероховатые стены подъезда, шаткие перила и немытые окна. Знакомо открывалась дверь, знакомое лицо отражало зеркало в прихожей…

Теперь оно ничего не отражает, и дверь можно не открывать - проходишь сквозь нее.

Помнишь, как приходя домой, бросал рюкзак, выключал плеер, разувался, и сразу отмирало все внешнее? Безопасность одиночества.

Он прошел в гостиную, сел в удобное кресло возле пианино – одного из самых дорогих сердцу предметов. Музыка, которую то обожал, то ненавидел, осталась единственной любовью, единственным, что впустил в сердце, чтобы никогда не отпустить.

Поворотный момент: мамин день рождения. Много народу – бабушки, дедушки, друзья…. его попросили что-нибудь сыграть. Он любил играть людям, поэтому не волновался. В двенадцать лет музыка не представляется чем-то интимным и сакральным. Он сел за фортепиано и заиграл какой-то этюд в ля-миноре – простой, но красивый. И вдруг ошибся – с кем не бывает, задел лишнюю клавишу. Никто бы не услышал, если б отец не объявил всем собравшимся. Конечно, такую ошибку мог услышать только отец - от кого же еще он мог унаследовать музыкальный слух! Он не помнил, доиграл ли этюд до конца или ушел сразу же, хлопнув крышкой.

Зато помнил, как плакал весь вечер, забившись в угол темной комнаты, и ему было горько и обидно. С тех пор он перестал играть отцу, даже если тот просил, а когда учительница приглашала родителей на академические концерты, он молился, чтобы пришла мама. Разлюбил играть при людях, решив, что все они делятся на тех, кто ничего не слышит и хвалит все без разбора, и на тех, кто слышит только ошибки и считает своим долгом прочистить тебе уши. До музыки никому не было дела, никто ее не любил и не понимал, так как он.

Он и сам не сразу нашел с музыкой общий язык – долго они шли друг к другу, долго притирались. То она в руки не давалась, то он ее отталкивал. Всякое бывало, но любовь победила. И теперь даже смерть не разлучит,

Вот его комната: плакаты на стенах, иконы на полках, коробки на шкафу, коллекция брелков, кучи дисков и кассет, распечаток, нот и книг. Казалось, клавиатура компьютера еще хранит тепло его пальцев. Он любил печатать – это похоже на игру на рояле, только вместо созвучий на мониторе появлялись слова, которые жгли сердце, и которыми выплескивал душу. Та же музыка, но вместо текучести расплывчатых образов и плавных линий, здесь четкие очертания в словесной рамке. Музыкой всего не выразить. Да и словами тоже. А как хотелось!

С литературой также связан его отец. С 11 до 16 лет было много попыток написать книгу, и 4 из них увенчались сомнительным успехом. Лет в 14 он решил написать детектив. Конечно, родители видели, как много времени он просиживает за столом. Однажды отец взял тетрадку с началом «романа», и стал читать.

- Пап, не надо, - попросил он.

- Надо, мне все можно! – ответил отец, наверное, грубее, чем стоило, и продолжил читать, комментируя ошибки и посмеиваясь.

Какое-то время он терпел молча, глотая слезы, но потом, не помня себя от обиды и злости, выхватил из рук отца тетрадь и порвал ее в клочья. Пришлось потом переписывать по памяти, чтобы через пару лет сжечь, как все предыдущее. Но тогда это казалось важным.

Сама мысль дать кому-то почитать не посещала его, стоило вспомнить смешки отца. Нет, он не сердился на него и зла не держал – разве можно сопоставить пару корявых эпизодов со всей жизнью, в которой он кроме добра ничего от отца не видел? Просто так создают препятствия, так закрывают сердца, так отказываются от возможных друзей. Так мир, к которому тянулся всей душой, насмешливо говорит: «не зарывайся, ты не лучше других». Так разбивают розовые очки – естественно, но они могли разбиться сами чуть позже.

Отец всю жизнь считал себя неудачником. Сначала потому, что угробил некоторые таланты, в частности музыкальные, и панихиду по ним пели на праздниках под гитару. Затем - потому что ничего не добился (Бог весть, что это значило). А еще чуть позже – потому, что не смог заработать денег на «достойное» существование семьи (это значило: жить в собственном доме и каждое лето отдыхать на море). Дети не ответчики за грехи отцов, но кто бы такое сказал о мечтах! «Ты чрезвычайно одаренный человек, - говорил ему отец, - но чрезвычайно ленивый». И это правда. Он не оправдал никаких надежд.

Не одарен главной «добродетелью» современности – тщеславием и честолюбием. Ничего не хотел – ни денег, ни славы, ни легкой жизни. Ни за что не хотел продавать таланты, ни с кем не желал делить свою любовь. Он не предатель.

Однажды они с отцом сидели на солнечном балконе и говорили, как хорошо было бы жить в собственном доме, а не в тесной квартире с прозрачными стенами.

- Вот подожди. Стану я рок-звездой, куплю тебе самый лучший дом на свете! – обняв отца, сказал он.

- А когда ты станешь рок-звездой?

- Годам к 50 думаю, - ответил он.

- Ну, нет! Я столько не проживу!

И никто не прожил. Не за чем стало.

Сколько лет шла внутренняя борьба! Как соленая слизь прорывалась боль, но тут же появлялась новая… сколько лет открывались старые раны, рушились надежды, погибали мечты… сколько лет! Ты внешне одинаков, а в душе такое размиллионивание, что невозможно понять фразу «быть самим собой». Каким? И почему никогда не умел быть как все? Сколько старался – не получалось…

Побродив еще немного по пустым комнатам, он ушел на крышу. Как он любил сидеть здесь с другом, свесив ноги за край, философствовать и мечтать, любуясь закатом и лесом! А в этом самом лесу, как только наступит весна, они пели, отмечали праздники и плакали навзрыд. На станции, что чуть правее, гуляли летними вечерами, слушая грохот поездов. За станцией – речка, без которой не мыслил лета. Каждая дорожка, каждая травинка, каждый камешек помнили его, и он помнил их. Сколько воспоминаний всколыхнулось в душе! Он вспомнил немногочисленных друзей, их светлые лица и звонкие голоса, свои любимые песни и даже автобус, на котором ездил в институт. В его комнате до сих пор цела шкатулка с билетами на концерты, где он побывал. В обувных коробках – старые тетради, записные

книжки, дневники… хлам пережил его. Люди стареют и умирают, а плющевые мишки – нет.

На реке тихо и безлюдно. Деревья еще не оделись в золото. Он шагнул в реку и опять пошел по воде, не чувствуя ни холода, ни щекотки волн, ни нежности воды. Он просто шел по отраженному в реке небу. Видел, как топчет облака, а они растекаются от его шагов. Вдруг он снова вспомнил отца, и ему стало горько и одиноко, как никогда. Думал, никогда с ним не расстанешься. Как же получилось, что судьба разлучила с тем, на которого он так похож, от кого унаследовал музыкальный слух и дух борьбы, от кого впервые услышал Deep Purple и Pink Floyd, чей баритон пел ему в детстве хулиганские песенки, кто учил его плавать и побеждать, в чьей машине он путешествовал с недельного возраста? Как так вышло?!

Его тень уныло скользила по воде. Он решил остаться здесь до захода солнца, а ночью вернуться домой через лес. Странно называть домом пустой воздушный замок. Но дом нужен всем. Даже призракам.

Ночью он летел над лесом, набирая скорость, пугая ветер. Этот день памяти принес много горечи. Летел за светом, а мир опять посмеялся над ним. Мир в его странном сердце…

Изнанка боли
(или «Необыкновенный учитель»)

Ты знал боль с детства. Когда она приходила, ты начинал плакать, не понимая, почему тебе плохо. Выслушивал полные горечи и сожаления речи родителей, которые что-то понимали, но ничего не могли сделать. Когда боль становилась нестерпимой, ты, измученный и заплаканный, погружался в некое подобие сна. А на следующий день все проходило, и ты снова был счастливым.

Тогда ты, конечно, не понимал, что ты не такой как другие дети. Точнее, не такой, как большинство. Когда же ты начал это понимать (тебе объяснили) – не захотел принимать. Не в том ты был возрасте, чтобы ценить индивидуальность. Факт своей непохожести на остальных озадачил и даже ошарашил тебя, но ты не придал этому значения. Внешне ты почти обычен и не отличаешься от других. Когда ты повзрослел и уцепился за свою необычность, то не мог поверить, что причиной ее послужила боль, забытая на несколько лет, как воспоминание из детства. Именно боль делала тебя уникальным и непохожим на других. Благодаря ей ты состарился, не успев повзрослеть. Именно она научила тебя остро чувствовать счастье и почти не

замечать горести. Она приучила тебя к себе, и ты принимал ее как должное. Еще бы! Росли вместе…

Ты рад, что жизнь сложилась иначе, чем должна была. Рад, что вырос именно таким, а не пустым и глупым, который привык к мысли, что жизнь прекрасна, и все вокруг ему что-то должны. Такие люди не поверят в обратное, пока не узнают боли. А ты знаешь и понимаешь многое – для твоего возраста.

Когда тебе было лет пятнадцать, она вернулась. Весь световой день ты жил нормальной жизнью, но едва наступал вечер – тебя вспоминали. Ты удивился и немного насторожился. Такие эпизодические вечера старых встреч не были редкостью, потерпишь. И ты ждал, когда боль уйдет.

Наступила осень. Нахлынула несвойственная тебе меланхолия и невольный страх. Ты не знал, что ждет тебя в будущем, а пора что-то решать, о чем-то думать. Тоскливое серое небо, пыль на асфальте и унылое завывание ветра за окном… да еще любовь. Впервые в жизни. Симптомы на лице. Ты все чаще вспоминал, как отличаешься от других, но о боли, как о причине, почти не думал. Просто ты по-другому одеваешься, слушаешь другую музыку и как-то иначе мыслишь. Иначе видишь мир, да не один. Почему-то ты другой. Следовательно, любовь несчастливая. Это не для тебя. Когда друзья отплясывали на дискотеках со своими пассиями, ты сидел дома и читал книги, думая о не предназначенной тебе любви.

Иногда хотелось, чтоб была куча друзей, компания с общими интересами. Хотелось, чтобы вам было весело и хорошо вместе. Ты слишком идеализировал такие отношения, не зная, что настолько хорошо не бывает. И ты выдумал себе друзей – прописал каждый образ, характер и даже голосами их наделил. Наверное, и любовь ты себе придумал, взяв за основу реальную личность. Ты понимал это, но ничего не мог поделать с собой. Все мечтаем о несбыточном. Хромой мечтает танцевать…

А тут осень, и так плохо!

Боль стала посещать тебя каждый вечер в определенное время. Дома холодно, часто отключали электричество, и не было горячей воды. При свечах на кухне папа читал «Героя нашего времени», а вы с мамой слушали. И Боль слушала, но ее никто не видел. Ты знал, она с вами за одним столом. И терпел. Долго и упорно, не ропща. Так прошло полгода.

Когда наступила весна – водянистая, тоскливая, промозглая – ты неожиданно понял, что жизнь представляет собой одну сплошную боль. Эта боль так обнаглела, что являлась днем. Было еще светло, а тебя уже скручивало дугой. Безболезненные часы считал счастливыми – пока свободен. Лишь привкус ожидания все портит. Ты ужаснулся – ведь тебе

только пятнадцать, а это на всю жизнь. Мысль о том, что тебе жить с этим еще лет пятьдесят казалась невыносимой. Такими же непосильными были сочувствия родителей и их горестные слова. Ты научился притворяться счастливым, врать, что у тебя ничего не болит. Но получалось плохо. Или родители слишком чуткие?

Однажды ты услышал их разговор на кухне. О тебе. Говорили, что всякие дискотеки, танцульки, любовь – не для тебя, ты это понимаешь, и тебе это якобы не нужно. Они волнуются, как сложится твоя жизнь. Ситуация ухудшается…

Слезы подступали к горлу тяжелой удушливой волной. Хотелось умереть, но всю жизнь гнал от себя эту мысль. Бог есть, ты знал. И Он помогает. Если б не Он… все было бы еще хуже. Нет, боль научила довольствоваться тем, что есть и не браться за непосильное. Ты лишен амбиций и желания превзойти остальных. Ты знал, что они во всем превосходят тебя. Этот мир для них, и они умеют в нем жить. Благодари Бога, что хоть так…

А любовь… что любвоь? Подсела на иглу, а ты не мог любить без уважения. Как уважать слабаков – наркоманов, самоубийц, пьяниц? Вердикт юношески жесткий. Ты всю жизнь терпел боль, а у тебя даже не было серьезного намерения свести счеты с жизнью или забыться в ангельской пыли. А эти - с жиру бесятся пока ты, скрипя зубами, подавляя слезы, терпишь. Ради Христа. Только ради Него. Иначе прекратил бы все в одночасье.

Ты больше не мог любить, но и разлюбить сразу не получалось. На сердце тянулось нечто среднее между притяжением, похожим на магнетизм, и отвращением, сходным с брезгливостью.

Боль не уходила. Кроме нее ничего не осталось. Только надежда, что когда-нибудь все кончится. Весной, в следующем году, через полвека. На фоне боли остальное казалось неважным. Все поддавалось формуле «а будет ли эта проблема волновать меня лет через пять?» При ответе «нет» становилось легче и безразличнее. Но боль не поддавалась и отвечала утвердительно. Да, будет. Я с тобой до конца. Мы умрем вместе.

Она ушла ненадолго. Мама говорит, ранней весной и поздней осенью у хроников обострение, и боль свирепствует именно в это время. Все, что происходило с тобой эти семь или восемь месяцев, ты теперь называешь депрессией. Вспоминать это время не хочешь – второй раз не пережил бы. Хотя… когда переживал, не понимал, насколько тяжело. Ведь депрессия – это не просто встать не с той ноги.

Однако боль – необыкновенный учитель. Она не просто научила не замечать себя и чувствовать счастье острее, чем все остальные, жить вслепую и с ней, так еще и терпению и даже смирению. Ты смирился с мыслью, что она навсегда, а это было нелегко. Ох как нелегко это в пятнадцать лет!

Когда вторая, более настоящая, но от этого более несчастливая любовь отошла на задний план, ты вдруг понял одно: лучше друга, чем Боль у тебя не было, нет и не будет. С тобой не осталось ничего кроме нее. И никого.

Так уж устроен ты, что не мог жить без цели. Война за жизнь, война за место в мире, где неуместен, война с самим собой. Война привычнее состояния мира и гармонии в душе. Рваться, путаться биться или как там? Бороться и искать, найти и перепрятать. Жизнь без цели казалась пустой. Целей ты, как правило, добивался. Или быстро понимал, что добиваться их не стоит, и терял интерес. А иногда, уже добившись, понимал, что игра свеч не стоила. Вечный воин, молчаливый демон, мятежный бунтарь… сколько миров уживалось в одном сердце!

Но получилось так, что любовь номер два – настоящая, светлая и чистая, стала целью, которой не добился. Проиграл войну впервые в жизни. Рука дрогнула, меч выпал из холодеющих пальцев, а ты, как побитый пес, забился в конуру и не оставил в этом мире ничего достойного жизни. А в сердце не оставил ничего кроме пустоты. Смирись, каратель. Ты же умеешь. Все, что умел в этой жизни – смиряться и терпеть, ждать и воевать. Последнее больше не нужно. Глупые цели войны не стоят. Все кончено.

- Я с тобой. Эй, проснись! Я с тобой. Забыл?

Ты увидел женщину. Да, Боль – женщина. Как и Мудрость, Любовь, Опасность, Цель, Смерть и Война. Поэтому она любит тебя. Настоящая женщина любит всегда только воина. Она не красива. Лицо смазано, неприметно и морщинисто от постоянных гримас. Волосы мышино-серые, а сама она - бледная и худая, постоянно вихляется, изгибается, крутится и восклицает. Восклицания разнообразны – то причитания, то стоны, то вопли. Говорит мало и неохотно.

- Почему ты выбрала меня? – спросил ты, когда она села рядом.

- Мне так велели. Сказали, кто ты, а им всегда больно.

- Тебе не надоели твои друзья?

- Да нет… они разные, а я у всех одна. Но я тоже могу быть разной. Даже для тебя.

Ты кивнул.

- Почему я раньше не замечал тебя и не вспоминал о тебе?

- Сам знаешь, - буркнула Боль.

Да, знаешь. Раньше тебя что- то отвлекало – то цель, то любовь, то война. Но всемогущая Боль победила соперниц. И теперь никого не осталось. Ты пуст и одинок, а она - единственный друг. Легкий укол ревности: у нее много друзей, а у тебя она одна.

- Признайся, ты не рад меня видеть? – она скривилась и покачала головой. Что врать? Кто ей рад?

- Охотней сунул бы сердце в ледяные руки, которые порвут его, а потом бросят в пыль, другим топтать! - закончила она, театрально вздыхая.

- Такое бывает раз в жизни, а ты постоянна.

- Зато не предам. Мы подружимся. Знаю, в глубине души ты благодарен мне, воин!

Конечно, подумал ты. Теперь у тебя есть чему поучиться, но никто не желает - у всех свои пути, своя боль, своя жизнь и учителя. Пока не набьют шишек, предупреждать бесполезно.

- Я тебе больше, чем мать родная! – заскулила Боль. – Я тебя огнем крестила!

- До сих пор ожоги не прошли.

- Я ж на твою голову венец возложила! Неси достойно, и все будет хорошо, - она слабо улыбнулась и обмякла, будто отпустило ее то, что вечно гнетет. – Все хорошо. Бог даст тебе силы. Ты знаешь, как Он суров с Другими.

Ты веришь. И все стерпишь, если нужно. Бой продолжается.

Ронни

I always said, something' wrong
With little strange Ronnie Long
Never laughed, never smile
Talked alone, miles and miles
- *Металлика \ Ronnie*

Чего ради?

Я мысленно обращаюсь к тебе, стоя на скользком подоконнике. Дождись меня.

Холодное осеннее утро, лишенное надежды. Костлявые ветви голых тополей царапает свинец низкого, плачущего неба. Серая дорога вьется змеей, будто совсем близко, под ногами. Голый лес – родной и некогда красивый. Весной и летом, но не в ноябре. Все хорошее происходит весной и летом.

Я все еще мечтаю. Иногда о тебе. Мне нравится. Просто думаю, как сложилась бы жизнь, будь ты рядом. Надо учиться говорить «прощай». Не бояться слов «никогда» и «навсегда». Так надо.

Воля к жизни? Да, она держит меня здесь, но не только. Прости, и не ты тоже. И не родители, не тот факт, что я могу их огорчить. Не страх.

Когда привыкаешь к боли, когда кроме нее ничего не остается на сердце и в жизни, перестаешь ее ощущать. Она давно парализовала волю и надежду. Она все победила.

Проснувшись с острым чувством тревоги, будто перед экзаменом, никак не могла оправиться от недавнего сна. На слезах собралась и вышла из дома. Придя в институт, поняла, что не останусь там ни минуты. Тошно. Зачем портить людям настроение?

Опять этот ненавистный холодный город в бесцветном цвете осени. Изо дня в день, одно и то же. Май никогда не наступит. Обычная тоска, от которой мутит.

А о чем еще думать-то? О будущем? О людях? О любви, о смысле жизни? Надоело. Знаю, что он есть, но нет никакого желания размышлять о нем сейчас. Куда удобнее смаковать хандру. Дивана не хватает для полного счастья.

Люблю смотреть на поезда. Только слушать их рев не люблю, но без него никак. Здесь, на тихой станции за чертой города, немного спокойнее. В городе я никогда не чувствую себя спокойно. Машины, люди, вонь, шум, некуда деться… на каждом углу, на каждой остановке, в торговом центре и в любой маршрутке можешь напороться на препода, от которого драпаешь. Забываю, что могу встретить тебя… да, могу. Но ты – явление редкое, почти неуловимое. Я бы рада тебя встретить, но не за чем. Сказать нечего, а опускать глаза надоело. Мы взрослые люди, хотя бы внешне. И вести себя надо соответственно.

Какой же уютный и мягкий этот мамин щарфище! Никогда не любила шарфы, вообще что-то на шее, даже свитера с горловинами, но этот шарф… странное дело. Понравился. И цветик ничего – летный такой, солнечный. Яркое пятно фоне города. Вечно наряжусь, будто люблю выпендриваться.

Лавки холодные. Жаль, посидела бы подольше, послушала поезда. Проносятся мимо, их никто не встречает, станция пуста в такой час. Сегодня пять пар, а у меня выходной. За свой счет.

Когда акустика «Скорпов» в плеере начала надоедать, я стала слушать отдаленный лай собак и стук колес. Тишину, которую никогда не услышишь в городе. К реке пройти не удалось. Грязно очень. Если б топиться шла, было б все равно, но… значит, не все равно.

Возвращаюсь домой – к холодным сардельками, разбитым пластикам, грязным полам и немытой посуде или как там у Майка? Весело у него. Аж до слез.

Странное дело – под таким красивым шарфом и цивильной курткой майка Металлики. Наверное, никого, кто меня знает, это не удивляет, а меня шарахнуло – сегодня, правда. Майку эту, по-хорошему, выбросить пора – она превратилась в тряпку за два года активной носки. Причем материальчик – так себе, вот раньше, арийские майки шили на славу. До сих пор как новенькие. Даже папе досталось – в футбол играть. Да уж, папа.

Бреха-то как такого не было, это у меня все коряво воспринимается. Никак привыкнуть не могу, когда на меня орут. Не от хорошей жизни орут, понимать надо, а ты… гордыни у тебя полна задница, вот и обидно. Кто ж любит, когда на него орут? А надо на это внимания не обращать. Понимаешь, как это? Не очень… вот, в том-то и смысл, о котором не хочется думать.

Всем бывает больно, особенно, когда фигня наваливается – не серьезные проблемы, а именно фигня. На которую внимания обращать не надо, а ты обращаешь, потому что больше не на что и потому, что состояние такое. Осеннее состояние для весеннего человека смерти подобно.

«Дома темно, шорохи, скрипы сводят с ума». Я хожу из угла в угол, по пустым комнатам, отражаясь в зеркалах, кружась под неслышную музыку. Когда-нибудь соберусь и сыграю. Я ж обещала. Было настроение на прошлой неделе – играть и петь. А сейчас… пой, не хочу, дома никого, все нормально. Не хочется. Заставить себя – воли нет. Хочу лежать на диване, хлебать чай и ни о чем не думать. Чтоб в голове пусто было. Или о парнях и шмотках. О них я уже сегодня подумала, правда, как-то по-своему.

И вот подоконник. Помнишь, у меня был стишок на эту тему? Раньше мне удавалось писать лучше и убедительнее, пока не было пустоты. Такой – большой и настоящей, как бывшая любовь. Я убийца. Мстительный, гордый, пустой человечишка, готовый на все обижаться и чуть что – бросаться из окна… удивлен? Но надо же хоть себе признаться! Пустышка. Дура, которая ни о чем думать не хочет. Знает путь, но не идет. Хорошо, ты не со мной – разочарование одно.

Чем дальше в жизнь, тем меньше желаний. И все чаще мне видится картинка: стою на дороге, на холодном ветру, прячу нос в этот самый шарф, смотрю куда-то, где ты… и вдруг слышу свое имя. Оно кажется мне странным неправдоподобным, каким-то нездешним, будто из сказки… бесовское твое имя, Смиральда! И я кручу головой, ища того, кто называл это имя, кто его еще помнит. Потом я понимаю, что это голос в моей голове.

Я слышу его так явно, что сама верю… все чувства обострены. Будто нерв натянутый, вечно в напряжении, прислушиваешься, принюхиваешься, протягиваешь руки. В маршрутке могут быть забрызганы грязью все стекла, но я знаю, какую остановку проезжаем. И вот голоса в голове становятся громче. Программа дала сбой, я схожу с ума. Мне теперь часто слышатся голоса. Не твои. А так не хочется забывать! Я знаю, что надо, но я не хочу. Не хочу терять это чувство в закоулках памяти. Зацепка за прошлое, которая обусловливает волю к жизни, пусть от части.

Темные тучи ползают по небу. Холодный ветер в лицо. Я жду. Чего… не знаю. Я лечу. Куда? Не помню….

Прости.

2006

ВРЕМЕНА ГОДА

Авгрусть

Как странно, должно быть, для других, но типично для меня - помнить прошлое с точностью до числа. До часа.

Пять лет назад мне нужны были иллюзии. Нужен был ты, и я придумала тебя. Жила этой выдумкой полтора года, пока не решилась окунуться в реальность. Она оказалась болезненной, как и следовало ожидать.

Сейчас я уже не верю, что все это было со мной. Не верю даже не в то, что было или чего не было, а во все, связанное с этим прошлым. В рыжие волосы, кеды и сумку, в пустую квартиру, в блины собственного приготовления, в глупую работу, которой отдала два года жизни. Страшно вспомнить, как тащилась туда - сначала с любопытством, потом с гордостью, якобы в пику тщеславию. Потом как к чему-то, что помогает выжить. Тупая деятельность порой действительно помогает выжить. Куда-то прийти, с кем-то пообщаться. Затем остался лишь материальный стимул, а когда живешь один в большой квартире, это не так уж мало.

В последнее время тащилась туда, как на каторгу.

Теперь у меня совсем другая жизнь. Не та, от которой хотела отгородиться, чтоб она не втягивала в мир и не привязывала к людям. Это не та жизнь, которую я отталкивала неосознанным страхом в наряде

благочестия, избегая всех ситуаций, где проявится моя беспомощность. Отсидеться б в окопе, чтоб жизнь прочла мимо, бочком, и не задела меня. Вроде я ее не вижу, и она меня не видит. Из-за этого же страдаешь, как распоследний мазохист. Но время шло, включились необратимые процессы, и я перестала понимать, как запустить отладку.

Запустил ее ты. Не презрением, как думала раньше, и не вирусом жизнелюбия, глядя на которое стыдно оставаться в стороне. Стыдно быть человеком без прошлого и без будущего. Стыдно не знать такой боли и такого счастья. Стыдно быть собой - какой была тогда. Какой ты меня увидел и узнал. Точнее, так и не узнал...

Эта пустая квартира никогда не стала бы моим домом. Теперь я жду перемен, но стараюсь не травить душу мечтами, хотя иногда нравится пройтись по хозяйственным магазинам и представить, какую тарелочку я бы купила и какой коврик постелила бы в своем доме. Именно в своем и только своем. Даже ключи никому не оставлю!

Тогда, зимними вечерами, идя с опостылевшей работы в пустую квартиру, слушая мрачную поэзию «Флер», я холодела от ужаса, что этот сценарий со мной навсегда, что жизнь так и пойдет, все предопределено. Так и буду плестись каждый день - одинокая серая мышь, неспособная на иную работу и обреченная общаться лишь с унылыми тетками, которые пытаются заставить меня поверить, что это и есть жизнь. А ты считала иначе? В том-то и дело, что нет, а удел молодости думать иначе. Недаром циркачи и гимнасты обучают малышей самым опасным трюкам, пока у них нет страха, пока они не представляют, чем такие фортеля им грозят. Я же похоронила себя в этом убожестве в двадцать восемь лет! Если не вырваться сейчас, потом будет страшно сделать шаг. Еще страшнее, чем умирать не пожив.

Окружение - это много. Ты не веришь, что бывают порядочные девушки. Я не знала, что еще есть такие мужчины. Мы не перебудили друг друга ни в чем, но я многому научилась у тебя. И обязана тебе именно этим рывком к свободе, к новой себе, которой ты не знал и в которую не верил. Впрочем, меня не было в твоей жизни настолько, чтоб ты в меня верил…

Пять лет назад в воздухе уже пахло осенью. Я пела, срывая голос, и новое дело окрыляло, вселяло уверенность, опьяняло новизной и нужностью. Потом ты. Счастье казалось таким возможным! Иллюзии - такими реальными...

Теперь, наверное, ни клеточки меня прежней не осталось. Я опять жгу бумаги - вечная потребность избавиться от хлама, за который до поры до времени цепляешься. Сколько можно, право... надо освобождать место для нового! Если понадобится вспомнить что-то с институтских времен или

почитать текст любимой в прошлом песни - скорее обращусь к интернету, чем зароюсь в распечатках и папках. Дым режет глаза, горит плохо - утром прошел дождь. Попались твои стихи - про Ведьмака, про скандинавов. Рассказы-размышления на страничку. Ничего личного, ничего особенного, но так и не решилась сжечь. Помню, как читала это на работе, силясь понять, что ты за человек. Не преуспела.

Переверни страницу, дубль сто сорок пять! Не работает, остается сжигать. И воскресать из пламени, как Феникс. И заряжать этой открывшейся мне и во мне жизнью тех, которые не смотрят и не видят. Которые циклились на невозможностях так долго, что теперь только их и замечают. А я никогда не оставлял сил на обратную дорогу, говорил главный герой фильма «Гатака». «Нет» замыкает пространство, «да» открывает кучу возможностей. Даже для тех, у кого они ограниченны...

Слюнтябрь

Осень – весна для поэтов, но, кажется, с недавних пор любовь невзаимная. Впрочем, и ты, вероятно, перестал ждать этого времени, черпать в нем вдохновение и светлую печаль. Ты надоел себе сам такой, да и не успел насладиться летом. Ты по привычке ищешь для этой осени новую вещь, аромат и музыку, а натыкаешься на боль от межсезонья, заложенный нос и бессилие от уходящего впустую времени. Тебе уже не семнадцать и даже не двадцать пять, хотя какая разница? Ты все тот же, что когда-то шастал на железнодорожную станцию и сидел на крыше!

Вот опять врешь - далеко не тот. Даже близко нет.

Хочется перемен и глубоких чувств, но лень въелась в плоть, и разучился подпускать к себе людей. Хочется путешествовать, но подолгу раздумываешь даже над выездом в город. Хочется, чтоб кто-то пришел и устроил твою жизнь, взял на себя все организационные моменты, с которыми ты, как творческий человек, не в ладах. Чтобы так ррррраз! – и все сложилось само собой. Это не детскость, это усталость. Бог ведает, сколько усилий ты прикладываешь, чтобы просто выжить, чтобы быть как все, чтобы вписаться в этот мир и чего-то в нем достичь.

Сентябрь – это всегда месяц опущенных рук. Это сведенные от холода мышцы и мелкая дрожь в пяти свитерах. Это нежданные дожди и тускнеющее солнце, переполненные трамваи и опустевшие парки. Но когда он приходит, ты вспоминаешь пьянящие вечера, хрустальное небо, теплый ветер и привкус надежд. На что? неужто на зиму?!

И все-таки церковное новолетие, начало индикта. В этом своя правда и мудрость. В школе хотелось начать новые тетради по всем предметам, а теперь – саму жизнь с чистого листа.
С новым годом, с новой осенью!
2017

Моктябрь

В спускающихся сумерках пел и звенел ветер. Он будто танцевал на замерзшем недавно льду, будто хохотал в свежем холодном воздухе и приносил запах весны. Едва уловимый, но вместе с тем четкий. Ах, свободолюбивый бродяга! Куда идут за тобой безумцы? В какой полет ты их манишь, какими дорогами прельщаешь, что сулишь по пути? Поговори со мной, хотя не только я задаю тебе подобные вопросы. Да и не раз ты отвечал на них. И я не раз шел за тобой, но всегда возвращался домой, ибо слишком много мне тебя; снова я хотел одиночества – иной свободы, не той, к которой ты призываешь. Свободы от любого присутствия.
Спой же мне еще, бродяга, принеси назад голос, который ты не раз слышал, который потерялся за стеной зимы, в зеленом лесу, на седом облаке. Найди его, верни, принеси сюда на прозрачных крыльях, примешай к нему веселый свист и смех. Никто кроме тебя не в силах его отыскать. Я жду. И буду ждать еще долго, глядя в чернеющую даль.
Видимо, услышал меня - затих, будто нет тебя здесь больше.
А вот и ночь – красивая, затуманенная, черная. Тащит на себе совести тех, кто отдал ей свет. Тащит души тех, кто подчиняется ей. Может, и я среди них? Может, у двери моей мнутся уже не летние ветра, а темные холодные вьюги зимних ночей? Страшно открыть дверь, посмотреть и дать себе ответ - так прочно уверовал в свою светоносную сущность! И кажется, ничто уже не в силах поколебать этой веры. А ночь является всем в свое время, и не прогонит ее мой друг бродяга, раз сама зима на ее стороне.
А ветер пусть пока поищет голос в лесу…
2005

ВЛИЯНИЯ

Туман

Весь день холодно. Холодно в теплом доме, холодно в теплом свитере. Так бывает, когда вдруг все уходит. Неважно, было ли это все дорого тебе, или нет. Просто остался один. Тебя покинул смысл жизни, который, наконец, отыскал, тебя покинули мечты – что-то сбылось, а что-то перестало волновать. Тебя оставила тьма, но свет, явившийся за ней, почему-то не обрадовал. Исчезла пустота, но ее ничто не заменило, будто она никуда не делась, а ты просто перестал замечать ее. Вдруг замолчало твое горячее сердце, с которым только недавно нашел общий язык. Твоя любовь оставила привкус разочарования и растаяла, как нечто призрачное и иллюзорное.

Вот теперь ты понял, что значит быть по-настоящему одиноким. Это одиночество – болезнь, которая прогрессирует с годами. Раньше ты был один среди людей, потом стал одинок среди близких, а еще чуть позже осознал, что никогда не поймешь их, а они не поймут тебя.

У тебя был Ты, с которым всегда хорошо – проекция Я, отражение тебя. Но теперь стало одиноко и с ним. Это грань. Ты шел к ней так медленно и незаметно, так постепенно и тихо, что стал забывать, в каком направлении движешься. Будто стоишь у открытого настежь окна в высотном доме, перед тобой густой туман, из-за которого не видно земли. Ты чувствуешь горько-соленый вкус этого тумана, его влажность. Он парализует воображение, крадет страхи, надламывает волю… ты уже стоишь у подоконника, касаешься руками этого тумана, чувствуешь, какой он влажный и соленый…

…Это не больно, совсем не больно. Ты не увидишь, как земля бросится навстречу, ты ничего не успеешь понять. Все произойдет быстро и легко, ты забудешь обо всем, что тревожит, все станут счастливыми! Смотри – перед тобой только белая река, перед тобой плывут облака, о них еще никто не разбивался! Ты просто проснешься. Проснешься от жизни – это же элементарно! Разве ты никогда не мечтал об этом?

Ты почти физически ощущаешь, как кто-то подталкивает тебя к окну и шепчет на ухо знакомые слова. Ты чувствуешь дыхание этого кого-то, даже тепло его руки…

Тело стало ватным, будто вот-вот уснешь, разум отказался подчиняться, глаза закрылись, сердце билось словно предвкушая неземное счастье, а все, что нужно – шагнуть ему навстречу, окунуться в эту иллюзию облаков, в этот липкий, горько-соленый туман…

Безумец! Беглец! Неужели, это ты? Это Ты…

То было последнее волевое усилие, на которое был способен, то была последняя искра воли к жизни, то был твой очнувшийся от дурмана разум. Он схватил тебя своим некогда ярким светом и потянул назад, в жизнь.

Проснись же, проснись! Стряхни с себя лживый черный свет. Что на тебя нашло? Что тебя толкнуло туда? Теперь смотришь на эту грань безумным взором. Ты проснулся. Проснулся не от жизни, а от лжи. Тело оттаяло от странной заморозки, и его отчаянно затрясло. Так бывает, когда с новой силой ощущаешь реальность. Она дает новый импульс, новое желание жить, подобно тому, как после бессонной ночи все предметы кажутся преувеличенно яркими.

Ты снова забился в угол и сжался в комок.

…Ах, опять холодно, холодно, холодно! Так холодно, как бывает от непролитых, остывших на сердце слез. Лучше бы они жгли глаза!

Был бы ты другим, ты не болел бы одиночеством. Это благо святых, философов, отшельников, а для тебя – это бич. Кто ты такой, чтобы заслужить эту болезнь? Да никто. Всего лишь тот, кто способен справиться с искушением! Да, способен и справился, но смотри – чтобы оно не приходило больше. Вдруг не сможешь противостоять в следующий раз? Вдруг рядом действительно не будет Меня,… чтобы помочь тебе. Ты думал, я исчез, но я еще здесь. Пока мы будем вместе, ты не до конца одинок. Пока будешь Ты, буду и Я. Только Я буду с тобой, больше никто не поймет. Никто из людей не умеет в точности понять другого…

2004

Башня

Наверное, у меня слишком много тайн. Многое надо было сказать, а я молчала. Тяжело не знать, сколько миров уживается в одном, сколько «Я» в тебе. Трудно хлопать крыльями, которые не научены летать. Невыносимо, когда слезы жгут глаза, а плакать нельзя. Как это - смеяться, когда весело и плакать, когда больно? Мир, в котором едят пирожные и ходят друг к другу в гости, мне чужд и непонятен.

Я знала, что сильнее, но кого и в чем? Кому нужна моя боль? Формальный интерес не больше пяти секунд: «Ах, бедняжка!», «Как мне тебя жаль!» Потом сочувствующие заводят песнь о себе и своей боли, которая в свою очередь, никого не волнует. Недоброшеные камни в душу, тень злорадства или напускная добродетель. После такого хочется прыгнуть

в море боли, позволить волне растереть о прибрежные скалы, если еще не захлебнулся.

Я не умела сочувствовать. Какие слова сказать вместо общепринятых, бледных и затертых? Молчание - самое искреннее, на что я способна. Люди с их болью меня не трогали, я не переживала за них ни на словах, ни в мыслях. Не собиралась взваливать на сердце чужие страдания. Не чувствовала чужой души, а значит, не умела любить. И, если совсем честно, я с брезгливостью отпихивала от себя постороннюю боль. От души желаю всем счастья, но сотрясать воздух не люблю. Словами не высказать и сотой доли того, что мучает.

Когда кто-то пытается чувствовать мою душу, не говоря сопливых слов, становится не по себе, будто меня раздели догола или вытрясли из мозгов все мысли. С другой стороны, трогательно - ты не один, кто-то в состоянии понять. Аж плакать хочется, в углу, наедине с собой.

Повернуться бы лицом к страхам, в которые раньше верила, посмотреть им в глаза. Не ослеп – считай победа. Ух ты! Я – за порогом правды, но… это очередная ложь. Смой кровь с моих рук – за треснутое сердце, за обманутую душу, за непролитые слезы, за поломанные крылья, за никчемную жизнь! Кому говорю? Одной их своих Я? Она так же слаба и ничтожна, как остальные.

Да, человек не сочувствующий на словах, открыватель правды вскользь – тысячу раз прав, и тем острее твоя правда, что мимоходом. Я же не смогла ответить чуткостью и вскрыть твою душу. Я медведь! Не знала. Не ведала, как в одном сердце могут уживаться эгоизм и сострадание, злость и участие, любовь и равнодушие. Насколько глубок колодец узнаешь, когда прыгнешь на дно, но наверх не подняться. А хочется ли тебе изведать глубины души, которая не отпустит, открывшись? Свобода в обмен на знания – не ново. Знания на веру – тоже. Жизнь на Любовь – старее мира.

Стены, которые долго строила, задрожали. Просачивается холодная вода из моря моей боли. Чувствую ее противный вкус – как у слез. Иногда у боли другой вкус – пыли, пота, крови и даже солнца. Иногда сладковатый и обидный, как у вырванной изо рта конфеты. Есть у боли и звук – не только плач, крик, стон – порой молчание. Самый пронзительный и страшный вопль, ведь на него нельзя ответить: «Ах, бедня–аааааа-жка!» Эта боль живет, будто за прозрачной стеной, откуда не слышен голос, не ощущается запах. Боль в немом кино. Сердце полное тишины. Кто-то скажет: зачем осложнять себе жизнь? Пусть вопит, проще будет. Молодец, вам пятерочка. Очевидно, вы никогда не испытывали ничего подобного. Вы парализованы от рождения, как эта боль изначально нема. Она не умеет кричать, и нет

проблем кроме нее самой.

Приятно ли чувствовать вынужденную заботу окружающих не потому, что особенный, а потому, что неполноценный? «Наверное, да», - скажет кто-то. Аж застрелиться хочется, если еще не захлебнулся в слезах.

Так и перебрасываемся мы обрывками боли и формальными сочувствиями. Каждый – пленник в одинокой башне своего мировоззрения, и информация из других башен, от других пленных, поступает в искаженном виде, а то и вовсе условными знаками. И никто никого не поймет. Никогда. Никто этой башни вокруг себя не видит – а то с ума недолго сойти. Благо, есть мечты. Можно коснуться крыльев ангела, летать на облаке, придумать себе друга. Можно все упростить. Можно даже остаться жить в мечте – все равно реальный дом, твоя башня, эта камера смертников никуда не денется и не отпустит. Побег невозможен.

Мне больше не страшно погружаться в мир мечты, ведь никто не позволит задержаться там. Я возвращаюсь в свою холодную башню, смотрю на мир сквозь решетки на окнах и вижу сотни таких же башен вокруг, а в каждой башне – одинокая душа, и в каждой душе – надежда и страх, любовь и злость, свет и тьма. И боль … Боль, которая кричит и пахнет слезами. И молчаливая, без вкуса и запаха. Столько боли вокруг!

Страхи ушли. Я посмотрела им в глаза, и они испугались меня. Я одна. Теперь пустота – унылое течение ровных дней, пока еще не зловонное не заболоченное. А когда начнет вонять – придет Зима и заморозит скоропортящуюся жизнь до Лета. Тогда жизнь оттает, и я вновь обману себя, сказав, что она свежая. Осенью меня этой свежестью вырвет. И так год за годом. Главное – режим. Глотать протухшую жизнь вновь и вновь - в камере больше ничем не кормят. И если вдруг, человек несочувствующий на словах, твоя жизнь немного испортится – отдай мне, я умираю от голода в своей башне. Я питаюсь какими угодно жизнями, даже падалью. Звон колокольчика для меня приключение. А разве мы не выдумываем себе жизнь? Нельзя ЖИТЬ по-настоящему в тюрьме. Неутешительно, да? Нет, все не так страшно, если поменьше думать. Немногие об этом даже знают…

2005

Седьмой путь

Не нужно слов. Забудь боль, которая отравляла жизнь и мешала надежде на счастье. Забудь слезы, которых не счесть. Теперь душа стремится к свету, бежит навстречу ветрам, но петь ты не можешь - голос

дрожит. Ты должен быть счастливым, поверь в это. За спиной остается пыль дорог больших городов, хотя еще минуту назад скрипела на зубах. Всем существом ты рвался прочь из этого ада, почти захлебываясь от отчаяния, но дороги не было. Все шесть путей отрезаны - обстоятельствами, собственной слабостью, волей провидения. За спиной остались лица близких людей, которых искренне любил и которых не забудешь, что бы ни случилось. За спиной чернело прошлое, которое так стремился вычеркнуть из жизни навсегда, как досадную ошибку в хорошем слове на чистом листе новой тетради. В этом прошлом ты никому не был нужен, чувствовал себя лишним, заблудившимся.

Раньше было иначе – ты радовался каждому дню и солнцу, любил всех на свете, открывал сердце чужим бедам. Потом повзрослел, мир поставил на тебе клеймо, жизнь наносила удар за ударом, проверяя, выдержит ли маленький ангел такие напасти. Повзрослев, ты слишком многое понял. Это понимание не принесло ничего кроме боли и разочарования.

За спиной остались дни, когда искал правду, пытаясь уйти туда, где хоть что-то правильно. Легче не стало. Твой внутренний мир гораздо богаче, сложнее и неправильнее окружающего. Но менять что-то было поздно – затянуло, ты пошел не своей, а проторенной дорогой, теряя и ожесточая себя по пути. Возможно, ты узнал потом, в чем ошибка, понял что-то важное для себя, но… поздно. Ты не оправдывался, не называл свой поступок мужеством – не все ли равно, как это называть? Вряд ли ты думал о чем-то кроме покоя, которого не мог найти в двух столь неправильных и противоречивых мирах. Ты хотел найти свет, но для этого пришлось уйти - в этом мире его загораживала твоя собственная тень.

И вот впереди облака – пушистые, как сладкая вата, оранжевые от наступающего рассвета, прозрачно-прохладные от свежести новой весны. Жаль, что разучился любоваться ее красотами. Жаль, не мог почувствовать запаха сирени, услышать пение птиц и увидеть гармонию ярких красок. Сознание заволокло воспоминаниями, неясными страхами, боязнью надежды – надежды будущего. Его пожрала тьма прошлого.

Взор подернут серой дымкой, ты не в состоянии увидеть что-то кроме своих ботинок или озабоченных лиц друзей, которые, чувствуя неладное, пытаются наставить тебя на путь истинный. Ты не слышишь. Да что они понимают?! Что они могут знать о тебе, когда сам совершенно себя не знаешь? Зачем ты им? Целого океана мало, чтобы смыть твои грехи! Ни один ветер не утащит их на себе, никто не простит, а сам чувствуешь, что не справишься – силы на исходе, да ни веры, ни надежды…

Ты не мог врать – ни людям, ни себе. Жизнь стала мучительной пыткой, слава – наказанием, которое трудно признать, любовь – болезнью, которую хотелось поскорее вылечить. За гранью агрессивного «Я» скрывалась ранимая душа, не нашедшая покоя, замкнувшаяся в себе, ищущая свободу и старое ощущение радости каждого дня. Но кругом стены – последнюю дверь закрыли снаружи, последнее окно изрезали решетки. Ты заметался в клетке, слезы рвали и душили тебя, крик застыл в горле, а тело трясло от беззвучных рыданий. Что ты теперь можешь сделать? Надо было раньше…

Они считают твою боль спектаклем, эмоции – коммерческим ходом, чувства – пошлостью, слова – не откровением, а отрепетированной речью. И даже твоя смерть даст им возможность заработать и полить имя твое очередной порцией грязи. Смерть даст им тайну, необходимую для истории, продолжение проторенной тропы, вереницу потерянных, мечущихся душ.

Один путь всегда оставался про запас. Ты помнил о нем всегда, берег на случай, когда ничего не останется, а боль станет нестерпимой. И вот вспомнил о нем. Одиночество, разлом, надрыв, подавленные крики, лавина слез, отчаянная тишина – все хлынуло наружу и растворились в оглушительном грохоте выстрела. Седьмой путь, как седьмая нота, завершающая октаву, как седьмой цвет радуги, готовящий глаза к самому черному, как последний грех и предательство самого себя, месть за свои же ошибки, отчаянная попытка обрести покой, обреченная на провал. Последний рывок – помни меня! – и твое имя застыло в веках…

…Навстречу плывут облака – рваные куски окровавленного неба. Их отблески видны на бренной земле, освещаемой ими…

P.S. посвящается Курту Кобэйну.

Переверни страницу

С неохотой погружаюсь в мир. Что тут осталось? И странно думать об этом, когда жизнь впереди. Готов половину отдать за то, чтобы соприкосновение с миром приносило радость, чтобы не только был, но и чувствовал себя молодым, чтоб из глаз выветрилась дымка от непролитых слез. Порхать бы по жизни бабочкой, а не скрежетать ржавым танком!

Стою на краю. Ветер в лицо – порывистый, но горький, уставший и пыльный. Небо не окрашено закатом – солнце не

показывалось неделю. Холод иголками. Помню, как разлетелись от ветра стихи, а я их ловил – бегал-бегал, догнал, поймал, перечитал, да и отдал ветру опять. Все миновало, а мне никак не надоест травить себя. Пепел сожженных мостов потерялся в этом ветру. Все потерялось, даже куски сожженного закатом неба. Красочные некогда картины выдуло из памяти.

И странно – ничего не жаль. Было, прошло – спасибо. Есть, что вспомнить. Ни обид, ни печали, ни слез, ни фраз, типа: «а если б да кабы…», «а если б я был умнее…»

И знал, что будет именно так. Посмотрел внутрь себя, увидел скандал в душе, а потом чей-то голос сказал: я отпускаю тебя, иди. И я ушел. Закрыл глаза на эту бойню, она и кончилась.

Чувствую теперь, насколько лучше – стоять на краю и дышать ветром. Раньше стоял у стены, как загнанный зверь, как воин-предатель или шлюха, в сердце которой проснулась целомудрие. А грязь на душе – отмыть бы! И боль трясет, и страх выжимает слезы…

Лучше на холодном ветру, лучше на краю – все четыре стороны твои, даже шесть – земля и небо. Иди, лети, падай куда захочешь. Тишина негнетущей природы. И медленно чернеет серое небо, теплее становится вечер, и ветер ушел на покой, унося с собой пыль и горечь. Пора домой - греться и учиться улыбаться.

Позже, сидя на кухне, допивая последнюю чашку чая, вспоминаю… не дай Бог забыть хоть мгновение! Не дай Бог потерять цену любви и мечтам! И я вспоминаю голоса, картины, волнение и счастье, печаль и радость. И все это, как дыхание, приносил замученный грязный ветер. Пусть живут в памяти и скандал в душе, и слезы, и глухая стена… Не дать пустоте заполнить душу, цинизму и жизненному опыту смеяться над любовью и мечтой – за этим лишь страх разбудить то, что спит.

Каким я запомню себя? Сгорбленным существом в зеленом плаще, на голове копна спутанных волос и ореол мыслей. Руки в карманах, взор под ноги. Молодой старик, рано выживший из ума. А был ли ум? Кто ж теперь разберет – умных дураков полно, а философов с отъехавшей крышей и того больше – на рубль десяток.

Так и мерещится альбом с фотками, которые буду с упоением рассматривать лет через десять, если доживу: вот я в лесу, на крыше, на краю, на грани, за гранью… но я вернулся, не забыть бы как!

Не спалось. Лежал на диване, слушал, как воет ветер, стучит в окно, рвет собою ночь. Он говорил мне днем: не топчи свое солнце, не верь в случайности, не ищи смысла, где его нет, не жалей, чего не изменить. Если этого еще не понял - есть куда стареть. И какой бы крепкой ни была стена, всегда найдешь обрыв, сойдешь с ума от стертых границ времени и пространства и от сознания счастья. Забывать не надо, просто переверни страницу. Никто еще не ходил твоим путем, не оставил следов в пыли твоих дорог. Ты избавился от всего, что захламляло душу, от масок и ролей. Снова свободен и одинок, снова в пути…

Переверни страницу.

Я и социум

или человек свободный…

К чему теперь недосказанные слова? Ты же знаешь, я никогда не буду досаждать тебе, преследовать, требовать к себе внимания или еще чего-либо. Я хочу просто уйти – жаль, нет возможности уехать навсегда.

Знай, никакой боли не ношу в сердце; никаких обид, печали или того, что угнетало раньше. Жизнь идет своим чередом, неровности пройденных дорог сглаживаются и остаются позади. Появляются новые, переворачиваются страницы…

Жизнь моя действительно отражена в страницах – так я стараюсь сохранить в памяти больше. Плохого не пишу – оно и забывается. И вот, новые имена, новые даты появляются на страницах. Некоторые из них становятся роковыми, иные приходят, чтобы уйти и даже клетки листа не удержат их.

Слова осыпались золотом осени, февральской метелью, весенним ливнем… слова, слова! Так легко я играю ими, рифмую, меняю местами, одни заменяю другими, перетаскиваю из конца

строки в начало, растягиваю по слогам и напеваю. И никакого толка, ничего нового.

Знай, жизнь в будущем явится настолько прекрасной, насколько в прошлом ненавидел ее. У меня нет определения словам, нет собственной философии, которую изобретают гении, когда им не спится; нет цели и мечты, я не знаю, какой в жизни смысл и уже не пытаюсь понять, зачем живу.

Что бы ты ни делал, все сведется к одному: ты взрослый, самостоятельный, полноправный член общества, у тебя есть работа, семья - все, «как надо». Неважно, что жизнь идет по схеме «работа – дом», что мечты либо сбылись, либо разбились, что цели и средства поменялись ролями, что ты живешь неизвестным «завтра», уповая на него и приближая себя к могиле. Благородные мечты и порывы унесет с собой юность. Ты вспомнишь это время горько-иронично улыбаясь. Мир изменил тебя. Ты, в конце концов, просто зарабатываешь себе на жизнь и неважно, каким образом – просиживаешь зад в офисе или прыгаешь по сцене с гитарой. Это рутина, если перестаешь замечать в ней радость.

Я не знаю, что будет завтра, я умею жить настоящим. Хотя, все вокруг говорят, надо придумать цель, воскресить мечту, заботиться о будущем, что-то для себя решить… закрепостить разум своими же истинами, завести сердце на нужный лад, посмотреть ограниченным взглядом на мир. Надо, я знаю, но я так люблю свободу! Я ребенок и старик, я философ и материалист, я часть вселенной и целый мир. Человек. Мир в мире, вселенная во вселенной, мини-творец, душа, дух, сердце во плоти тленной, квинтэссенция сущего. Человек, настоящий, свободный, вечно молодой, не желающий отдавать жизнь в руки убогих образцов или выцветшего на хищном солнце «надо». Человек – всегда готовый к войне за свое Я и за пресловутое «завтра», за чистоту помыслов и за луч света на плечах.

Ты знаешь – трудно спасти мир, когда 99% его населения этому сопротивляются! Кто-то кричит колкие слова со сцены, кто-то передает людям знания, кто-то создает великие труды, а кто-то просто молится день и ночь о спасении наших душ…

Все мы что-то продаем, зарабатываем бумажные цветы жизни: продаем свое время, знания, молодость, душу, тело – кто во что

горазд. Это зависит от запросов продавца и от наличия или отсутствия у него совести.

Нет, я не стану досаждать тебе. Я уйду из твоей жизни так же тихо и незаметно, как вошла, молча, с улыбкой на устах и свободой в сердце. Просто ветер-бродяга пощерудил по страницам, перевернул все тетрадки. Сердце зашлось на мгновение, потом успокоилось. Вот и пора прощаться.

Мне никогда еще не было так хорошо, соловьи не пели громче и прекраснее, сирень не цвела пышнее, а небо никогда еще не было так близко. Не то серое небо, которое накрывает мрачным сводом в минуты отчаяния и хождения по краю, а другое – синее, чистое, свободное. Никогда еще Человек во мне не был так счастлив, никогда еще он не обнимал радость так страстно. Конечно, предварительно убедился в том, что не вырвал ее из объятий другого Человека. Она гуляла сама по себе совсем близко, вот он и сгреб ее в охапку.

Ни в чем тебя не винит Человек; не винит тем более и Ангел. Самого Человека, конечно, укоряют чертики, которых никак не прогнать – иначе мир не за чем было бы спасать. Ничего не было для него зря. То, что знал мудрый Серафим, теперь понятно и несмышленому херувимчику. Он, окруженный святостью чистоты и невинности, с опаской входит в этот мир, насторожено, но с любопытством оглядываясь. Вокруг – несвободные Люди на постах, с печатью забот на лицах и замками на сердцах, но голоса их, как правило, поставлены хорошо, чтобы учить жизни маленьких несмышленышей. Но мудрый Серафим, улыбаясь, кивает малышу и ласково машет рукой, говоря: «Не бойся, иди. Только не теряй луч света. Он станет тяжелее, но не бросай его – он так вам нужен!»

И малыш несет этот свет, который из невесомой воздушной субстанции превратился в горящее олово. И так уравновешивается малыш со стариком и появляется Человек – творец, который умеет любить, пылкий и мудрый, вечный воин, не знающий усталости. Когда это раскаленное олово света, эта непосильная ноша, однажды спасла его, он сам понял, что делать.

Я верю, что и ты знаешь, Человек – светлый и настоящий, прекраснейшее произведение Творца, а не тот человечишка, который кричит, что все ему подвластно, что все им побеждено и не слышит,

как раскатисто смеется небо над этим горе-царем! Как и мудрый Серафим ласково смеялся бы над херувимчиком, если б тот оступился и уронил тяжесть. Не появился бы тогда Человек.

Так прощай и знай, что нет ни в чем твоей вины – главное, донеси свой свет, коль испугался потока чужих лучей.

2005

© Ronnie Menschfeind 2017